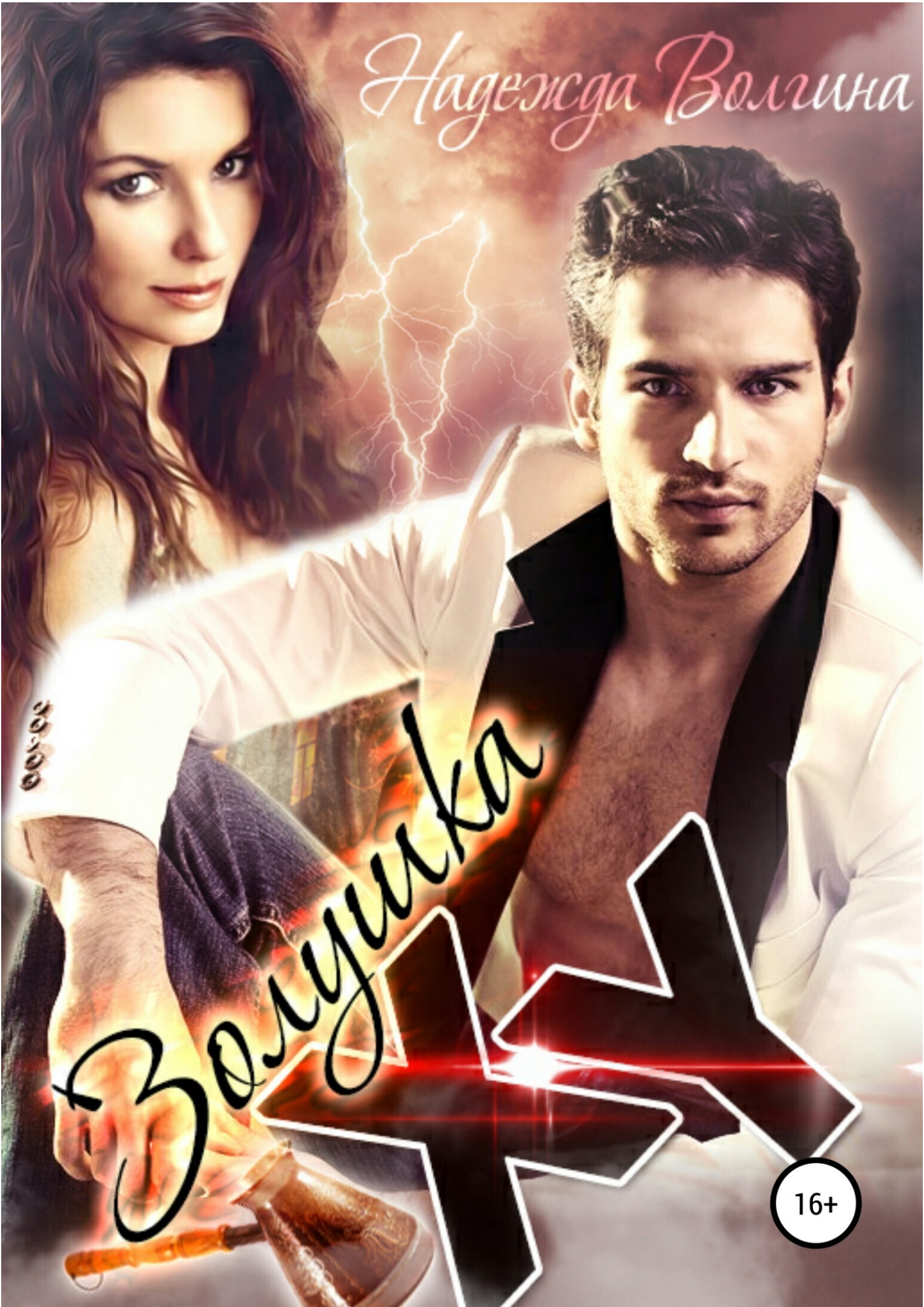

Надежда Волгина

00-00

Золушка

16+

Попаданцы и прочая нереальность

Надежда Волгина

Золушка ХУ

«Автор»

2016

Волгина Н.

Золушка XY / Н. Волгина — «Автор», 2016 — (Попаданцы и прочая нереальность)

ISBN 978-5-532-10939-1

Думаете, что Золушкой может быть только девушка? А вот и нет! К вашему вниманию история Золушки, но в мужском обличье. Фея в наличии. Она не только добрая, но еще и прекрасная. Принцесса тоже есть – слегка надменная и тоже прекрасная. Мачехи нет, но в наличии отчим. А еще родная сестра, два сводных брата... В общем, имеется полный комплект и совершенно нестандартный сюжет, приправленный магией, юмором и конечно же, нежной романтикой. В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

ISBN 978-5-532-10939-1

© Волгина Н., 2016

© Автор, 2016

Горные вершины спрятались в облаках. С озера напал вечерний туман, подбираясь к истертым временем ступеням замка. Природа готовилась ко сну, а внутри царило напряжение. Казалось, душный воздух каменного зала замер перед бурей.

Тонкая стрелка часов отмеряла секунды, превращая их в минуты ожидания. Она торопила Мавруса принять решение – такое сложное, что требовалось время. Вождь находился в глубокой задумчивости. Он сидел на золотом троне, устремив взгляд вдаль. Смуглое лицо поражало суровостью. Орлиный нос придавал ему хищное выражение. Губы были плотно сжаты и вытянуты в горизонтальную линию. Довершал картину суровости квадратный подбородок, выдающийся вперед, что говорило о невероятном упрямстве и нетерпимости его обладателя.

Маврус вышел из оцепенения, с шумом выдохнул и провел унизанной перстнями рукой по иссиня-черным с небольшой проседью волосам, забранным в хвост. На мощной шее, из глубокого выреза короткой куртки, выглядывала золотая цепь толщиной в палец, украшенная множеством драгоценных камней. Широкие плечи вождя полностью закрывали массивную спинку трона. На оголенных руках бугрились мышцы, когда он с силой сжимал кулаки.

Слуги притихли от ощутимого страха, что буквально вибрировал в зале. Давно уже они не видели господина в таком настроении. Последний раз, когда он так надолго задумался, стоил здоровья нескольким из них. Вождь был скор на расправу, и мог обрушить гнев на первого подвернувшегося под руку, вина которого была очевидна только ему.

Но сегодня все обстояло иначе...

Едва заметным движением руки вождь подозвал к себе слугу. В близко-посаженных темно-карих глазах появилась пронзительность, когда Маврус перевел взгляд на дверь.

– Приведи ко мне жреца, – отрывисто приказал он. Лоб прорезали две глубокие морщины.

Не мешкая, слуга помчался выполнять распоряжение. Через несколько минут массивные двери огромного каменного зала распахнулись и вошел высокий стройный мужчина. Он молча замер в нескольких шагах от трона. Его красивое лицо с правильными чертами было изрисовано многочисленными узорами, похожими на священные письмена. Точки и линии синего и красного цветов сплетались в экзотический орнамент. Голова мужчины была выбрита по окружности, кроме одного локона на затылке, заплетенного в тугую косу. Пончо из домотканой грубой материи и брюки, заправленные в сапоги-мокасины, подчеркивали сильную и стройную фигуру индейца. Он выглядел не старше тридцати. Во взгляде его, устремленном на вождя, не было страха, лишь глубокое почтение.

– Приветствую тебя, мой господин, – жрец поклонился вождю. – Чем могу быть тебе полезен?

– Пришло время действовать, Алвас, – произнес вождь глубоким низким голосом, – минуло уже двадцать пять лет. Ему пора появиться. Мой срок заканчивается. Я стал слаб духом, рассудок мой тускнеет, пора на покой. Мое место должен занять наследник. Твоя мать – достойная жрица Шири следила за его жизнью. После ее смерти это делаешь ты. Пошли гонца, пусть привезет его сюда! – вождь пронзительно смотрел на молодого индейца, но тот мужественно выдерживал тяжелый взгляд.

– Я сделаю все, что в моих силах, только, эта задача не из легких. Он может не захотеть покинуть привычную среду. Он не из нашего мира, – жрец замолчал лишь на мгновение, а потом продолжил: – Позволь, господин, спросить тебя?

– Спрашивай, – милостиво разрешил вождь.

Алвас единственный мог задавать вопросы вождю, не рискуя лишиться головы. Жрец племени имел определенную власть, считался олицетворением воды, грозы, грома и молнии.

Люди считали его кладезем мудрости. Он единственный в племени мог проводить ритуалы жертвоприношения священным богам.

– Говори смело, что у тебя на уме.

– Благодарю, господин! – Алвас вновь поклонился. – И вот что я хотел спросить – почему ты не сделаешь приемником Квилиса или Мравия?

При этих словах Маврус поморщился, как будто съел что-то кислое.

– Ты же знаешь, что мой старший сын Квилис – недостаточно умен. К тому же он слаб духом, труслив, одним словом. А младший – Мравий – чересчур амбициозен, что мешает ему трезво рассуждать. Он только и мечтает, что занять мой трон. Что тогда станет с нашим племенем? Так что тот – единственная наша надежда.

– Но он – чужеземец, – напомнил Алвас. – Говорит на другом языке. Ему придется многое изучить и узнать.

– Ничего страшного. Он всему научится, – улыбнулся вождь. – Мы с тобой обучим его.

– Воля твоя, – кивнул жрец. – Сколько времени ты мне даешь на выполнение задания?

– Сейчас июнь, – немного помедлил с ответом вождь. – Управишься к ноябрю?

– Приложу все силы. Обращусь к Ниньо за помощью.

– Делай, как считаешь нужным, – устало махнул рукой Маврус. – Ступай, мне нужно еще раз все хорошенько обдумать.

Индеец низко поклонился и покинул зал. Выйдя на улицу, он вдохнул прохладный воздух ночи и позволил себе немного расслабиться. На его лицо набежала тень сомнения. Трудную задачу поставил перед ним вождь, практически невыполнимую. Жрец знал, что может не получиться выполнить приказ, тогда, скорее всего, его ожидает смерть. Глава племени не прощает ошибок. Все должны беспрекословно повиноваться и четко исполнять приказы.

Алваса не пугала возможная смерть. Он относился к ней философски. Смерть, – считал он, – то, что закономерно следует за жизнью. Она, по сути, является ее продолжением, только в другом обликии. Его пугал позор, который падет на его голову, если не справится с заданием. Позор и честь несовместимы. Юношей в их племени с детства учили поступать по законам чести. Они впитывали их с молоком матери, все лучше усваивая с каждым годом жизни. Дожив до тридцати лет, Алвас почитал честь превыше всего.

Он неторопливо подошел к озеру, сел в лодку, завел мотор и отправился домой. Дорога не заняла и пяти минут. Жрец жил на искусственном острове, сплетенном из тростника, который обильно разросся по берегам озера. Его просторное жилище тоже было сделано из этого растения. Только тростниковую лодку он давно заменил на моторную, из-за недолговечности службы первой и, отдавая дань цивилизации, которая добралась и сюда.

Алвас не был дома уже несколько дней. Маврус велел ему ждать во дворце, чтобы явиться по первому требованию. Там его окружала роскошь, которой не было на его маленьком острове, но привычная атмосфера гораздо больше нравилась молодому индейцу. Здесь он родился и вырос. В этом доме умерла его мать десять лет назад. Только на острове он мог быть самим собой, не подчиняясь ничьим приказам.

Жизнь на воде когда-то была вынужденной мерой. Далекие предки племени Алваса, обитавшие на берегах этого озера, оказались зажатыми между двумя враждующими племенами. Чтобы избежать участия в сражении, они сели в лодки и уплыли подальше от опасных берегов. Устроили себе временные жилища на воде. Но война затянулась надолго, и племя вынуждено было расширить и укрепить свои жилища. Им так понравилась такая жизнь, что, когда появилась возможность вернуться обратно на сушу, лишь немногие воспользовались ею. Остальные остались жить на маленьких островах, веками оттачивая технологию подобного строительства.

Жрец тяжело вздохнул, вспоминая рассказы о тех временах. Сегодня немногие из племени могут позволить себе подобную вольную жизнь, лишь те, кому дает разрешение вождь. Алвас почитал его, как неоспоримую власть, дарованную богами, но не мог не осуждать в глу-

бине души, которая была полна любви и сострадания к ближнему. В племени он считался вторым человеком по важности, и часто его статус помогал спасать от кары невинных людей. Наверное, вождь и правда устал, и пора его сменить на троне.

Во власти безрадостных мыслей Алвас зашел в просторное жилище и первым делом отправил слуг по домам. Ночью ему нужно остаться одному для совершения священного ритуала. Давно он не призывал духа Луны. Чаще ремесло жреца требовалось лишь для того, чтобы излечить больного от недуга, да заглянуть в чье-нибудь будущее. Но сегодня ему предстояло особенное – призвать Ниньо. Он надел тяжелый ритуальный костюм из кожи с изображенными на нем ликами священных животных. Голову его увенчал убор из множества перьев. Лицо спрятал под маской, сделавшей его похожим на оборотня. Теперь жрец был полностью готов к путешествию в мир духов.

Покинув жилище, он приблизился к ярко пылающему огню. Его развел заботливый слуга в специальном сооружении на воде. Усевшись у костра в позу лотоса, Алвас положил в рот несколько листьев коки и принялся сосредоточенно их разжевывать. Часть листьев подбросил в огонь в качестве жертвы солнечному богу Инти и богине земли Пачамаме. Опустив голову и воздев руки к небу, он негромко запел ритуальные заклинания, постепенно погружаясь в транс, слегка раскачиваясь из стороны в сторону в такт песне. Тело его становилось все более вялым, пока не обмякло совсем, словно он потерял сознание.

Какое-то время ничего не происходило. Голос жреца умолк, вокруг стояла тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Но вот Алвас начал приходить в себя. Он поднял голову, и устремил взгляд на гладкую поверхность озера. Из воды поднялся яркий столп света, внутри которого угадывалось очертание женской фигуры. Постепенно свет редел, превращаясь в еле заметное свечение.

Алвас задохнулся от восторга, который всегда испытывал, глядя на девушку. Единственной одеждой ей служили несколько прозрачных широких юбок, свободно держащихся на бедрах, открывая взору тонкую талию. На небольшой совершенной формы груди красовалось изящное коралловое ожерелье, надежно защищая от злых духов и выгодно оттеняя красоту шеи и плеч. Тяжелые темные волосы волнами спадали на обнаженную спину. Янтарные глаза загадочно искрились в полумраке. Изящные босые ступни находились в нескольких сантиметрах над поверхностью озера.

Жрец, охваченный священным трепетом, встал на колени и низко поклонился, касаясь лбом тростникового покрова острова:

– Приветствую тебя, Ниньо – прекраснейшая из всех духов среднего мира.

Ниньо грациозно ступила на остров и опустилась рядом со жрецом. Лунный свет перестал освещать ее, теперь она казалась обычной девушкой, присевшей погреться в тепле догорающего костра.

– Здравствуй, Алвас, – произнесла она звонким голосом. – Давай обойдемся без церемоний. Мы с тобой столько лет знаем друг друга, что можем себе это позволить.

– Здравствуй, Ниньо, – ответил Алвас. – Я пригласил тебя, чтобы поговорить об известном нам обоим деле. Ты, наверное, и сама уже догадалась, о чем? – он выжидательно посмотрел на нее. Она только кивнула.

Ночное дежурство подходило к концу. Илья сидел за столом в ординаторской, пытаясь усвоить то, что читал. Перед ним лежала раскрытая история болезни пациента, поступившего ночью. Он постоянно переворачивал страницы обратно, снова перечитывая их содержание. Мозг отказывался воспринимать информацию. Даже четвертая чашка кофе, выпитая за последний час, слабо помогала. Глаза слипались от усталости и бессонной ночи.

Илья запустил пальцы в темную волнистую шевелюру и подумал, что волосы сильно отросли, и надо бы постричься, но времени на это катастрофически не хватает. «Ушиб головного мозга, признаки очагового поражения... коммоциозно-контузионный синдром третьей степени тяжести...» – он перечитывал эти слова, пока они не начали терять смысл, превращаясь в кашу из букв и слогов. «Все, хватит, – решил Илья, – ничего не могу сейчас усвоить. Денис Матвеевич лучше меня со всем этим разберется утром». Он тряхнул головой и потер чуть раскосые серо-голубые глаза. Встал и с чувством потянулся, разминая затекшие суставы. Больничный халат не скрывал спортивного телосложения, натягиваясь на широких плечах. Илья прошелся по кабинету, выполняя нехитрые упражнения из наклонов и взмахов руками.

Дверь тихонько отворилась, и заглянула хорошенькая медсестра с круглым личиком.

– Илья Сергеевич! – позвала она. – Пациент из четвертой палаты все время зовет врача. Я пыталась уговорить его подождать до утра, но он ни в какую.

– У него какие-то проблемы? – нахмурился Илья. – Появились боли?

– Да, нет... Говорит, что чувствует себя хорошо, вроде, ничего не болит, – она немного замялась. – Но, честно говоря, мне не нравится, как он выглядит. Подойдете? Или велеть ему спать?..

В душу Ильи закрались неприятные предчувствия, как только он услышал номер палаты. Число четыре в его жизни играло особую роль. Все, что оказывалось связано с ним, так или иначе оборачивалось бедой. В четыре года он заболел сильнейшим воспалением легких, от которого еле спасли. В четвертом классе его оставили на второй год, из-за того что в связи с переездом он много пропустил и сильно отстал. Один раз он стал свидетелем, как мужчина вывалился из окна четвертого этажа и разбился насмерть. На четвертом курсе института его бросила девушка, только потому, что как ей казалось, он слишком занят научной работой на кафедре, и не уделяет ей достаточно внимания. И еще происходило много мелких неприятностей, связанных с числом четыре.

Пытаясь отвлечься от негативных мыслей, Илья вышел за дверь ординаторской и направился вдоль обшарпанного коридора в сторону палаты. Хорошенькая медсестра бежала впереди, удивляя энергией. Тоже ведь на дежурстве, но ни капли усталости.

На больничной койке лежал пожилой мужчина с перевязанной головой. Палата платная или сервисная, как их еще называют, на одного человека. Больного вел не Илья, другой хирург. Не так давно мужчину привезли после автокатастрофы с переломом основания черепа. Тогда срочно сделали трепанацию, но сейчас он шел на поправку, и ничто не угрожало здоровью.

– Доброе утро! – как можно бодрее поприветствовал Илья. – Только оно еще очень раннее. Чего же вам не спится?

– Илья Сергеевич Гончаров? – ответил вопросом на вопрос мужчина. Его вид выражал крайнее напряжение.

– Да, он самый, – с улыбкой отозвался Илья, хотя нехорошее предчувствие опять кольнуло. – Вас что-то беспокоит?

– Можно мне поговорить с вами наедине? – спросил мужчина, кивая в сторону медсестры, которая застыла рядом с Ильей.

– Конечно. Любаш, оставь нас, пожалуйста, ненадолго, – попросил Илья.

Девушка недовольно хмыкнула, но из палаты вышла.

– Присядьте, пожалуйста, рядом. Мне так легче будет говорить. Голова болит, когда приходится смотреть вверх, – попросил мужчина.

Илья взял стул и присел возле кровати больного. На какое-то время в палате повисла тишина. Пациент внимательно разглядывал Илью, словно пытаясь вспомнить, где мог его видеть. Видно, кого-то он сильно тому напоминал. Илья же сидел и терпеливо ждал, когда тот заговорит. Неосознанно, хотелось оттянуть этот момент.

– Удивлены, что я позвал вас? – наконец произнес больной. – Ведь, Любаша, наверное, уже доложила, что чувствую я себя хорошо.

– Признаться, да, немного удивлен, но всегда готов выслушать. Работа такая, – хирург дежурно улыбнулся, мысленно прикинув сколько осталось до конца смены.

– Речь пойдет не о вашей работе, – задумчиво произнес мужчина.

Илье этот разговор нравился все меньше.

– Не думайте, я не сумасшедший и вполне отдаю себе отчет, – как будто прочитав его мысли, вновь заговорил мужчина. – Меня зовут Сеницын Кирилл Алексеевич. Я работаю на кафедре археологии в университете, – Илья только молча кивнул. – То, о чем пойдет сейчас речь, мне тоже непонятно, как и вам.

– Я еще даже не знаю, о чем вы собираетесь говорить.

– Сейчас все поймете, – он немного помолчал, а потом продолжил: – Позапрошлой ночью мне приснился странный сон... Очень, я бы даже сказал, нереально красивая девушка предсказала, что я умру сегодня в девять часов утра, – тут он жестом остановил возражения, готовые сорваться с губ Ильи. – ...И что я должен отдать вам одну вещь. Эта вещь давно хранится у меня, она очень старинная и ценная. Вы даже представить не можете, какая она дорогая по современным меркам. Не буду рассказывать, как она попала ко мне. Скажу только, что завладел я ей незаконным, скорее даже подлым путем. Всю жизнь я стыжусь своего поступка, но и расстаться с этой вещью не могу.

Тут Илья не выдержал. Разговор все больше становился похож на откровения сумасшедшего.

– Давайте прекратим все это, – строго произнес он. – Сны снами, но причин думать о смерти у вас нет. Вы быстро поправляетесь. Максимум через неделю вас выпишут. Так что, просто постарайтесь успокоиться.

– Я все время думаю, почему именно вам должен отдать ее, – тот даже не услышал того, что говорил врач, продолжая развивать тему. Больной как будто говорил с самим собой, даже не смотрел на Илью. – Я ведь даже не знаю вас... Эта вещь может принадлежать только одному человеку, с которым я не виделся уже много лет. Но уж точно не вам, – он перевел на Илью затуманенный взгляд. Мысли его витали где-то далеко. – Я размышляю над этим почти два дня. Теперь мне кажется, что авария подстроена, и то, что после нее я попал в вашу больницу, тоже неслучайно.

– Кирилл Алексеевич, с такими вещами, это вам не к врачу надо обращаться. Я вам тут вряд ли чем смогу помочь.

«Это уже детектив какой-то получается, причем, с манией преследования», – подумал Илья.

– Наша больница дежурила по скорой, вот вас и доставили сюда.

– Понимаю... – медленно произнес мужчина. – Вчера я попросил жену принести мне эту вещь, чтобы отдать ее вам.

– Ну вещей мне ваших не надо. И предложений не надо, – Илья раздраженно повел плечом. – Оставьте эту вещь у себя. Попрошу Любашу сделать вам укол успокоительный.

– Нет, нет, – поспешно прервал его Кирилл Алексеевич, – не надо мне никакого укола. Откройте, пожалуйста, тумбочку и достаньте оттуда коробку, – попросил он.

Что за ерунда! Сил нет даже сидеть и держать глаза открытыми, а еще приходится мириться с придурью пациентов. Борясь с раздражением, Илья достал небольшой фанерный ящик и протянул больному, но тот не взял его.

– Теперь это принадлежит вам. Посмотрите, что там.

Открыв крышку, Илья увидел небольшой сосуд с ручкой, похожий на джезvu или турку, по-простому. Он достал его и повертел в руках. Сразу видно, что сосуд старинный, хоть и натертый до блеска.

Илья посмотрел на Кирилла Алексеевича и заметил, что тот наблюдает за ним с лихорадочным любопытством во взгляде.

– Вот, возьмите, – с этими словами Илья протянул пациенту сосуд. – Вещь, на самом деле, очень красивая.

– Она теперь ваша, забирайте ее, – мужчина даже спрятал руки под одеяло для пущей убедительности.

– Не говорите глупостей! – вздохнул Илья. – Мне она все равно ни к чему. Почему вы настаиваете, чтобы я взял ее?

– Дело в том, что та девушка пригрозила мне вечными муками после смерти, если я не отдам вам его, – спокойно ответил Кирилл Алексеевич. – Я вел не совсем праведную жизнь, в глубине души опасаясь божеской кары. Она сказала, что отдав вам сосуд добровольно, я искуплю все грехи. Забирайте его и спрячьте. Хочу побыть один, мне еще о многом нужно подумать.

Первый раз за всю сознательную жизнь Илья оказался в таком дурацком положении, когда ему силой навязывали то, что могло стоить кучу денег и явно представляло историческую ценность. «Если я возьму ее, меня могут обвинить в воровстве, – размышлял он. – Не возьму, у больного может случиться припадок. Видимо, придется взять и вернуть ее послезавтра, когда заступлю на дневное дежурство».

– Хорошо, я беру ее, – произнес он как можно более спокойно, хотя такое положение вещей просто выводило из себя. – А теперь, вам нужно поспать. Тем более что мое дежурство уже заканчивается... – Илья посмотрел на часы. – До свидания, – с этими словами, он встал и вышел из палаты.

Хотя на улице уже полностью рассвело, коридор окутывал полумрак. Стояла неестественная тишина. Любаша задремала на своем посту, как будто это вовсе не она всего полчаса назад лихо бежала впереди Ильи. Из палат не доносилось ни звука.

Такая тишина даже глубокой ночью редко наблюдается в отделении нейрохирургии сороковой городской больницы города Екатеринбурга. Обычно всегда слышны стоны или вскрики во сне. Здесь много пациентов после операции. Постоянно жалуются на боли, что, в общем-то, совершенно логично.

Илья устало потер лоб и снова посмотрел на часы. Семь утра. Пересменка в восемь, и больница наполнится утренней суетой и гамом. А сейчас все словно замерло. «Мертвая петля» – мелькнуло в голове Ильи, хотя, причем тут петля и почему мертвая, он и сам не знал.

Тихонько, чтобы не разбудить Любашу, он двинулся в сторону ординаторской. Зайдя в кабинет, повертел в руках ящичек, решая, что с ним делать. Может оставить здесь? Он огляделся в поисках подходящего места: столы, стулья, стеллажи, компьютеры. В ординаторской одновременно располагалось полтора десятка хирургов – здесь ничего не спрячешь. Мелькнула мысль о сейфе с наркотическими препаратами – мелькнула и исчезла. К нему тоже имело доступ человек двадцать. Не то, чтобы Илья не доверял людям. Просто, всякое может случиться. Кто-то куда-то засунет ценную вещь, и она затеряется, хотя никакого злого умысла и не будет. Тем более что истинных ценителей старины среди них не было. Любому из окружения Ильи этот сосуд покажется обыкновенной туркой для приготовления кофе. «Значит нужно забирать домой, – устало подумал он, – так будет сохраннее».

Как же сильно он устал за сегодняшнюю смену. Ночью пришлось срочно оперировать опухоль, которая сдавливала жизненно важный участок головного мозга. Пациент резко начал терять зрение, создалась непосредственная угроза жизни. Пришлось вызванивать бригаду. На это потратил кучу сил и драгоценного времени. Дежурный анестезиолог был пьян. Сначала Илья долго не мог разбудить его, а потом еще какое-то время приводил в чувство. В общем, все обошлось, и операция прошла успешно, но нервов было потрачено немало.

Еще полчаса и смена закончится. В коридоре баба Маша уже гремела ведрами, она приходила раньше всех.

Перед тем, как отправиться домой, Илья решил зайти к заведующему отделением – занести ему историю пациента и рассказать о ночном разговоре. Этот разговор не давал ему покоя, наталкивая на нехорошие мысли.

– А, Илюха, заходи, заходи, – с улыбкой пригласил Карякин, когда Илья заглянул в его кабинет. – Я только сейчас переоденусь и буду в твоём распоряжении.

Илья положил толстую папку на стол заведующего и опустился на маленький диванчик, стоящий у стены. Кабинет немного тесноват, и долговязая фигура главного врача, натягивающего белый халат, смотрелась нелепо. Усиливала впечатление неуклюжесть и то, что мужчина слегка косолапил. В свои сорок пять Карякин уже полностью поседел, из-за этого выглядел старше своего возраста. Его волосы растрепались, на лице заметно проглядывала щетина. Как-то он признался Илье, что терпеть не может бриться.

– Ну вот, я готов, – расплылся в улыбке главный, усаживаясь напротив Ильи. – Как прошло дежурство? Выглядишь усталым.

– Я, что-то, правда устал больше обычного, – кивнул Илья, глядя в светлые и сильно близорукие глаза Карякина, которые тот шурил, приглядываясь к чему-нибудь.

Несмотря на видимость рассеянности, заведующий все точно подмечал и хорошо разбирался в людях, за что многие его недолюбливали, считая, что он к ним несправедлив. Он внимательно относился к больным, всегда интересовался их самочувствием и настроением. Еще и поэтому Илья решил поделиться с ним ночным происшествием.

Выслушав его, Денис Матвеевич не спешил делать выводы. Какое-то время сидел, обдумывал услышанное.

– Знаешь, все может оказаться намного серьезнее, – наконец произнес он. – Сила самовнушения играет огромную роль в нашей жизни. Вести, которые мы постоянно где-нибудь слышим, часто принимаем за чистую монету, по большому счету не проверив их достоверность, – Карякин говорил очень спокойно, даже чересчур неторопливо, как показалось Илье. – Так же функционируют и наши послания самому себе. Чаще всего люди программируют себя неосознанно и, к сожалению, не всегда на что-то позитивное. Мы можем влиять на все, что с нами происходит. Наше поведение или отношение к чему-либо берет начало в подсознании. Не паникуй раньше времени, – улыбнулся он. – Проследим за ним сегодня. Что-то подсказывает, что не все так просто. А про подарок советую тебе никому ничего не рассказывать. Люди любят злословить... Просто отнеси его домой, а послезавтра вернешь. А теперь иди, тебе нужно как следует выспаться.

Уже находясь в салоне своей старенькой пятерки, Илья опять вспомнил лицо того пациента. Синицын Кирилл Алексеевич. Почему-то имя казалось смутно знакомым, где-то он его слышал, но не мог вспомнить где.

– Вероника! Куда ты запропастилась? – щегольски одетый мужчина лихорадочно тряс колокольчик, не переставая при этом кричать: – Вероника! Где ты, моя стройняшка?

Оглохла эта идиотка, что ли? С утра пораньше драть глотку заставляет, тогда как должна являться по первому требованию.

Когда терпение мужчины иссякло окончательно, он бросил газету на массивный овальный стол, с грохотом отодвинул тяжелый старинной работы стул, на котором сидел, как на троне, и направился в кухню. Высокий, накачанный, стриженный почти под ноль, маскируя тем самым обширную лысину, он двигался быстрой пружинящей походкой. Широкий коридор, ведущий в кухню, больше напоминал картинную галерею, стены которой увешаны полотнами без всякой системы.

На пороге кухни мужчина резко застыл. Его маленькие круглые глазки от возмущения готовы были выскочить из орбит. Гладковыбритые щеки покрылись гневным румянцем. Острый нос, больше похожий на клюв, слегка подрагивал, а и без того тонкие губы плотно сжались и вытянулись в горизонтальную полоску. Он разъярялся все сильнее, глядя в спину женщине, что, пританцовывая, хлопотала возле плиты. Это была довольно крупная женщина. Ее телосложение больше напоминало мужское, даже рельефные мышцы имелись. Оттого еще нелепее смотрелось тонкое летнее платье на ней, и голова с собранными в пучок волосами казалась неестественно маленькой. В уши женщины были вдеты наушники с тонкими проводками.

Лицо мужчины уже полыхало гневом. Даже маленькие уши, больше похожие на женские, покраснели и подрагивали. Он громко топнул ногой, обутой в лакированный ботинок. Звук получился ощутимый, но женщина даже не «повела ухом», продолжая напевать и что-то нарезать. Тогда мужчина приблизился к ней вплотную и остановился за спиной. Только тогда Вероника слегка повела внушительного размера носом, улавливая хорошо знакомый запах дорогого парфюма, и резко обернулась, оказавшись лицом к лицу с разъяренным хозяином.

– Ой, Максим Анатольевич! – воскликнула она, не сразу догадавшись вытащить наушники из ушей, отчего фраза прозвучала пугающе громко. – Что вы здесь делаете?

– Я?! – заорал ей мужчина прямо в лицо. Она в ужасе отшатнулась. – Что я здесь делаю?! Что ты здесь делаешь? Оглохла ты, что ли?

Хорошенькое лицо, которое совсем не гармонировало с крупной фигурой, исказилось от еле сдерживаемых слез. Еще молодая женщина, не старше тридцати лет, выхватила носовой платок из кармана платья и прижала его к губам.

– Я тебя спрашиваю, глупая курица, что ты себе позволяешь? – опять заорал Максим Анатольевич. – Мечтаешь быть уволенной? А?!

– Я не знала, что вы уже встали, – пролепетала бедняжка. – Я слушала музыку, может, немного громче обычного... – всем своим крупным телом она трепетала от страха перед наказанием.

– Сегодняшний день ты работаешь бесплатно! Наверное, я тебе слишком много плачу, раз ты себе такое позволяешь, – уже немного тише сказал Максим Анатольевич. – Чтобы через пять минут завтрак стоял у меня на столе! Поняла? – она молча кивнула, хлюпая носом. – Ты все поняла? – он опять повысил голос.

– Да, я все поняла. Я мигом все принесу.

Мужчина резко развернулся и вышел из кухни. Обратный путь в столовую он проделал, все так же по-военному чеканя шаг. В ожидании завтрака он вновь погрузился в чтение газеты. Вот таков был Карлов Максим Анатольевич – один из богатейших людей города.

Маленький Максим был единственным ребенком у замученной матери и отца алкоголика. Едва закончив десять классов, юноша поступил в техникум и выучился на теле- и радио-мастера. Этим и зарабатывал на жизнь вплоть до тридцати лет. К тому времени он уже женился, и сыну исполнилось пять лет. Заработанные деньги старательно складывал в «кубышку», пока не накопил приличную сумму. Все отложенное потратил на покупку видеомагнитофона, который стоил в те времена, как машина «Жигули». В Советском Союзе таких магнитофонов не было, их привозили с запада те, кто имел возможность туда ездить. Магнитофон Максим купил вовсе не для того, чтобы смотреть фильмы самому в кругу семьи. У него были далеко идущие планы. Чтобы окупить затраты, открыл видеосалон прямо в одной из комнат своей двухкомнатной квартиры на первом этаже. Оборудовав ее пятьюдесятью стульями, телевизором «Березка» и драгоценным видеомагнитофоном, стал устраивать ежедневные просмотры фильмов. В те годы билет в цивильный кинотеатр стоил от десяти копеек на детский сеанс, до пятидесяти – на взрослый в вечернее время, а в его видеосалон – рубль. И ведь забит был, даже мест не хватало.

У Максима Анатольевича, как и у каждого обладателя столь ценного магнитофона, имелись и кассеты, только с иностранными фильмами. Несмотря на ужасное пиратское качество

и каркающий голос Володарского, зажимающего нос прищепкой, фильмы смотрели, раскрыв от восторга рты. Молодежь любила ужасы про мертвецов или с Брюсом Ли, или эротику – «Греческая смоковница» и «Эммануэль». А комедии в стиле «Полицейской академии» или «Назад в будущее» пользовались особенной популярностью. Сейчас нам бы качество картинки показалось поганим, звук – еще более отвратительным, а тогда это было чудом техники – вместо надоевшей передачи «Сельский час» или «Прожектор перестройки» включить тот фильм, который ты хочешь посмотреть.

Максим Анатольевич не довольствовался простым зарабатыванием денег, он хотел иметь больше. Из-за несовместимости отечественных телевизоров и импортных видеомагнитофонов, восторг от просмотра иностранных фильмов был зачастую несколько омрачен отсутствием цвета. Тогда телемастер вставил самодельный декодер в телевизор, получил цветную картинку, и его видеосалон стал еще более популярен. Конечно, не все проходило гладко. Отечественная милиция часто устраивала облавы. Обычно те использовали хитрый приемчик: подходили к квартире, выключали электричество на шитке в коридоре и только потом стучали в дверь. Какой был эффект? А очень простой – хозяин физически не мог достать и запрятать кассету из видеомагнитофона, к примеру, с порнографией, просмотр которой преследовался законом. Все улики были на лицо, как говорится. Но наш Максим Анатольевич умел договариваться с законными представителями власти.

Через год он уже показывал фильмы в вагоне электропоезда пригородного следования, а через два – владел видеобаром, где в цивилизных условиях с бокалом вина и в обнимку с девушкой можно было посмотреть зарубежные видеоклипы.

Сейчас ему исполнилось пятьдесят пять лет, и он с уверенностью мог сказать, что всего в жизни добился сам. Видеосалоны канули в Лету. Теперь он являлся официальным дистрибьютером в России ведущих марок женских гигиенических средств, памперсов, парфюмерии. У него имелось несколько фитнес-салонов в городе, пара оздоровительных центров специально для женщин.

Он зарабатывал на женщинах, к которым относился с неприятием, близким к отвращению, как к испортившейся, несъедобной, грязной пище, как к итальянскому сыру кассу марцу, содержащему живые личинки насекомых, или китайскому деликатесу «тысячелетнее яйцо» – вареному утиному яйцу балют, в котором уже сформировался плод с оперением, клювом и хрящами.

Его неприятие носило форму самосохранения. Он считал, что женщинам нужны только его деньги. Любовь он в принципе отвергал, называя ее преследованием похотливых целей. От представительниц прекрасного пола требовал единственное – тело, которое называл воротами, открывающимися толщиной его кошелька. Ему ничего не стоило унижить даму в глазах других людей, причем, намеренно, с целью самоутверждения. Единственная женщина, к которой он испытывал чувство, похожее на уважение, была его вторая жена. Но она умерла больше двух лет назад. После этого, неприятие женского пола только усугубилось.

Максим Анатольевич с нетерпением смотрел на секундную стрелку наручных часов. Пять минут уже практически истекли. Он готовился задать новую трепку Веронике, если та опоздает хоть на минуту. Но тут ему не повезло. Проявив истинный талант по быстроте приготовления завтрака, Вероника внесла в огромную гостиную тяжелый поднос. Она торопливо расставляла перед хозяином пышный дымящийся омлет, поджаренные тосты, масло, повидло, тонко нарезанные сыр и ветчину и чашку горячего кофе без молока. Хозяин следил за ее умелыми движениями, презрительно поджав губы.

– А теперь отрегулируй кондиционер. Здесь холодно, как в морозилке, – сказал он, когда Вероника уже собралась удалиться.

Та послушно взяла пульт, что лежал возле руки хозяина, и, направив его на систему, нажала одну единственную кнопку, пустив поток холодного воздуха на потолок. Карлов не

обращал на нее внимания, читая газету и прихлебывая кофе. Выждав минуту, Вероника развернулась и направилась в кухню. Уже в дверях снова услышала звон колокольчика.

– Свою машину я оставлю дома. Распорядись, чтоб ее помыли к двенадцати часам. Мне она понадобится в это время, – равнодушно велел Карлов, когда Вероника снова появилась на пороге гостиной. – Да чтобы она блестела, поняла? Когда он, кстати, вернется?

– В городе пробки. Вот и задерживается.

– Еще! Сегодня вечером у нас гости. Накрой стол в гостиной к восьми часам на... – он подсчитал в уме, – семерых. Поняла? – Вероника кивнула. – Все, свободна, – закончил Карлов, пренебрежительно махнув рукой, – убирайся.

Вероника ушла, глотая слезы.

Карлов не спеша допил кофе, так и не притронувшись к еде, свернул газету и бросил ее прямо в тарелку с омлетом.

– Тупая дура! – в сердцах проговорил он. – Курица без мозгов. Да заменить нечем. Да и другая будет такой же тупой.

Вероника служила в его доме уже четыре года. Ее рекомендовал Максиму Анатольевичу друг – заместитель мэра. Сказал, что лучше он вряд ли найдет. Карлова раздражало в ней все: огромная фигура, не сочетающаяся с мягкими чертами лица, покорный и трусливый характер, даже ее высокая трудоспособность порой выводила его из себя. Обычно он сдерживался, не позволял такого, как сегодня. Просто день не задался с самого утра. Ему приснилась покойная жена. Во сне она сказала только одну фразу, которая сильно напугала Карлова: «Если не перестанешь издеваться над моим сыном, я заберу тебя к себе». Проснулся он, объятый паническим страхом. Постепенно успокоился, потому как не отличался суеверием и не верил в загробную жизнь, но настроение было окончательно испорчено, вот и сорвался на Веронике.

Встав из-за стола, Карлов покинул гостиную. В просторной прихожей с массивной входной дверью главным украшением служили огромные зеркала на стенах, в позолоченных рамках. Дубовые балки по углам создавали иллюзию прочности и надежности и монолитом поддерживали потолок. Карлов аккуратно, чтобы не поцарапать каблуками, прошел по полу из мореного дуба и остановился перед зеркалом. Он повертелся в разные стороны, оглядывая совершенство дорогого темно-синего костюма, и вышел во двор.

На подъездной аллее его уже ждал черный Мерседес. Водитель услужливо распахнул заднюю дверь, куда Карлов элегантно втиснул натренированное тело. Охранник открыл автоматические ворота и машина, не спеша, выехала на проезжую часть коттеджного поселка «Гайд-парк», что находится в пятнадцати километрах от центра Екатеринбурга, на живописном берегу озера Шарташ.

– Козел! – в сердцах проговорила Вероника, глядя в окно на отъезжающую машину.

Илья медленно подъезжал к дому. Он взглянул на часы – время приближалось к десяти. Долго же он добирался! А все эти пробки... Из автомагнитолы механический голос сообщал последние сводки. По сведениям гидрометцентра день сегодня обещал быть аномально жарким: температура воздуха прогреется до тридцати градусов. Последний раз пятнадцатого июня в Екатеринбурге такая жара наблюдалась в пятьдесят шестом году. Интересная статистика, но какая-то бесполезная. Что ему от этих знаний?

Открыв ворота просторно гаража, Илья заметил машину отчима – серебристый Ауди последней модели. Так, одно из двух: либо тот дома, либо ему мыть эту красавицу. Уж лучше второе, к этому он хоть привык, чем лишний раз видеть этого человека. Мысли от усталости лениво ворочались в голове. Спать хотелось дико.

Илья отогнал свою машину в дальний угол гаража и вышел через боковую дверь. По широкой дороге, мощенной бежевой плиткой, направился к большому особняку, построен-

ному в викторианском стиле. Этот дом из красного кирпича, с множеством узких и длинных окон, не вызывал у Ильи ни малейшего теплого чувства. С двумя просторными пристройками, одна из которых выполняла роль летней столовой, а другая – зимнего сада, дом казался неестественно крупным. Лишь мансарда с большими полукруглыми окнами не рождала ассоциаций с неприступной крепостью.

Илья предпочитал пользоваться наружной лестницей, что вела прямым ходом в отведенные ему «апартаменты» – просторную мансарду, расположенную над гостиной. Она единственная выбивалась из общего стиля – кое-как отделанная изнутри и захлапленная всякими старыми вещами. В углу он оборудовал себе уютное гнездышко, где и старался проводить свободное время. Не считая работы в больнице, он еще много чего выполнял по дому, тем самым оплачивая проживание здесь. Когда умерла мать, отчим сразу поставил такое условие – либо он трудится на благо семьи, либо убирается на все четыре стороны. Сразу же уволили двоих домработников, чьими обязанностями занялся Илья. Он следил за садом и газоном; раз в месяц проводил капитальную чистку бассейна, регулярно мыл машины и выполнял различные мелкие поручения главы семейства.

Илья уже начал подниматься по крутой лестнице, когда услышал голос Вероники:

– Илюш, пойдем, я тебя накормлю, пока все горячее.

Он вернулся и заглянул за угол дома. Вероника высунулась из окна и приветливо помахала полной рукой.

– Дома никого нет, все разъехались. Иди умойся и дуй на кухню.

– Ладно, Ник, через пять минут буду.

С Вероникой они дружили. Не считая родной сестры Олеси, она была единственным человеком, кто по-доброму относился к нему в этом доме.

Быстро взбежав по лестнице, Илья осмотрелся. Куда бы запрятать этот ящичек? В руках он вертел реликвию, от которой мечтал поскорее избавиться. Надо убрать так, чтоб надежно и, главное, не забыть потом, куда. Так ничего лучше и не придумав, Илья закопал древний сосуд в грудку старых вещей, до которой ни у кого в этом доме не доходили руки. А потом поспешил обратно. Ополоснулся он из колонки, расположенной на заднем дворе возле просторной площадки для мытья машин. С кухни доносились настолько дурманящие запахи, что аппетит разыгрался не на шутку.

– Садись, дорогой, сейчас буду кормить тебя, – приветливо улыбнулась Вероника. – Обед еще не готов, но пироги уже подоспели. Сейчас только налью тебе чаю, и можешь приступать. – Она внимательно на него посмотрела. – Что, тяжелая выдалась ночка?

– Да, не то чтобы очень... Но поработать пришлось, – отшутился Илья. – А как Олеся, нормально себя чувствует? Она уже уехала? Жаль, не застал ее, хотел пожелать удачи на экзамене.

– Да, сегодня выехала пораньше, у нее какое-то дежурство там. Вроде здорова, но настроение, по-моему, не очень, больно грустная, – ответила Вероника.

– Не знаешь, почему? Ее никто не обижал?

– Думаю, что нет, – ответила Вероника. – К ней тут хорошо относятся, не то что к тебе... Может, Эдька опять приставал? Честно говоря, не видела. Он, как одержимый, ходит за ней по пятам, но вроде не обижает.

– Чего только хочет от нее? Она же еще ребенок. Может, мне поговорить с ним? – размышлял Илья, уплетая пирожки с капустой.

– Не стоит, Илюш, – перебила его Вероника. – Пока ведет себя нормально, не лезь. Только себе хуже сделаешь. Этот деспот ведь и выгнать может, – зло закончила она.

– У тебя что-то произошло с ним сегодня? – догадался Илья.

– Да позавтракать ему вздумалось раньше на час, – в сердцах ответила она. – То валяется в постели неизвестно до скольки, завтрак приходится несколько раз подогреть. А тут решил

вскочить ни свет ни заря. Ну а я в наушниках была и не слышала его воплей. Можешь представить, как он разъярился? Вот и работаю сегодня бесплатно, – сокрушенно закончила.

– Вот, дерьмо! – в сердцах выругался Илья. – Почему ты не уволишься? Можешь не отвечать, – жестом остановил ее, – сам знаю. Из-за нас тут все терпишь? – с сожалением посмотрел на женщину. – А он-то думает, что благодетельствовал тебя, что ты держишься за свое место не знаю как. Не стоим мы такой жертвы, Ник, – грустно закончил.

– Ты же знаешь, у меня нет семьи, – тихо проговорила Вероника. – Вы с Олесью заменили мне ее. Я вас люблю – тебя, как брата, а Олесю, как родную дочь. Не могу я вас бросить. А Карлов... Да плевать я на него хотела! Уйти всегда успею. Пока есть силы, буду терпеть, – уверенно закончила она и бодро улыбнулась. – За меня не переживай. Лучше о себе подумай. Тебе здесь живется несладко. Переехать бы тебе.

– Я не могу, и ты об этом знаешь, – просто ответил Илья. – Не стоит даже говорить на эту тему.

Родная сестра Ильи, четырнадцатилетняя Олеся, с рождения страдала тяжелой формой эпилепсии с частыми повторяющимися припадками. Что послужило причиной заболевания, никто не знал. Медицина такие вещи не диагностировала. Исследования показали только, что определенная часть ее мозга повреждена. И с возрастом таких участков становилось все больше. Если у одних людей, перенесших припадок, в дальнейшем он мог и не повториться, то у Олеси они случались с периодичностью раз в неделю, не реже.

Именно из-за болезни сестры Илья выбрал профессию нейрохирурга. И останавливаться на достигнутом не собирался. Тему для диссертации он выбрал посвященную вопросу родовой травмы, как возможной причины возникновения эпилепсии. Да и Олеся была привязана к брату. Только ради нее он не покидал этот дом, терпел любые прихоти отчима. Ближе сестры у него никого не было.

– А что делает в гараже машина Карлова? – спросил Илья у Вероники.

– Он велел тебе вымыть ее к двенадцати часам. Сам уехал на Мерседесе, – поморщилась она.

– Все понятно, поспать не получится, – устало вздохнул Илья. После плотного завтрака держать глаза открытыми было еще труднее. А стрелка часов уже неумолимо приближалась к одиннадцати. Это значит, начинать нужно прямо сейчас, иначе нарвется на праведный гнев. – Спасибо за завтрак. Пойду растрясать жирок, – постарался сказать он как можно бодрее, чтобы Нику не мучили угрызения совести.

Илья перегнал машину отчима из гаража на площадку и, немедля, принялся за дело. Просто вымыть машину было мало. Следовало натереть ее полиролью, чтобы сверкала. Карлов, принимая работу, заглядывал во все щелочки, проверяя качество выполнения приказания. Времени едва хватило на все. Перегоняя красавицу обратно в гараж, Илья увидел въезжающий в ворота Мерседес и услышал металлический голос отчима, дающий распоряжения водителю:

– Не забудь, что тебе в два забирать Олесю из школы. Постарайся не опоздать. Я спрошу потом у нее.

Отношение отчима к младшей сестре Ильи не подчинялось логике. С одной стороны, он ее не любил, с другой – относился к ней очень внимательно. Знакомым представлял не иначе, как собственную дочь. Гордился ее успехами в живописи и даже собирался организовать персональную выставку. Только Олеся категорически отказывалась. Она любила рисовать, но делала это для себя. Единственное, что она разрешила отчиму – развесить несколько картин в доме, и он не уставал хвалиться ими перед знакомыми.

Чувства Олеси к отчиму были еще более сложными: она его отчаянно боялась, презирала за суровое отношение к брату и Веронике, которую любила, как родную мать, но в глубине души не могла не благодарить за все, что он для нее делает.

Чтобы не столкнуться с Карловым, Илья быстро поставил машину в гараж и через боковую дверь, а затем по наружной лестнице пробрался к себе. Отчим никогда не поднимался к нему. Разовые поручения передавал через Веронику, или при случайном личном контакте.

В углу огромной мансарды Илья соорудил себе что-то вроде комнаты. Из мебели там был только старый диван и стол со стулом. На столе компьютер, и аккуратные стопки бумаг – плоды трудов над диссертацией.

Сил держаться на ногах уже не осталось. Илья, не раздеваясь, лег на диван и тут же уснул. Проснулся он от того, что кто-то крепко его обнимал. Рядом спала сестренка, прижимаясь к нему. Сейчас она походила на ангелочка: длинные светлые волосы разметались по подушке, бледное личико с пухлыми губками выглядело спокойным и расслабленным. Илья тихонько, чтобы не разбудить Олеся, посмотрел на часы. Стрелка приближалась к пяти. Значит, он проспал больше четырех часов. Сестренка, наверное, пришла, когда он спал, сначала сидела, ждала пробуждения, а потом не выдержала и прилегла рядом.

Илья с улыбкой разглядывал ее спящее лицо – такое трогательное и беззащитное. Ему хотелось оградить сестру от любых опасностей. Но самой большой бедой была ее болезнь, и именно тут он оказался бессилён. Он мог только правильно назначить лечение и следить за тем, чтобы она все выполняла.

Как он ни старался двигаться аккуратно, Олеся распахнула большие светло-карие глаза с длинными темными ресницами и удивленно подняла густые брови, не понимая в первый момент, где находится.

– Все в порядке, малыш, – поспешил успокоить ее Илья, – ты уснула в моей комнате.

– Илюшка! – ее симпатичное личико с точеными чертами расцвело в радостной улыбке. – Я уснула, – с этими словами она обняла его и поцеловала в щеку.

– Школьникам тоже нужен дневной сон, – отшутился Илья. – Не только тем, кто трудится по ночам. Как прошел экзамен?

– Да неважно, – погрустнела она. – Сдавала математику, боюсь, будет двойка, совсем мало задач решила.

Из-за слабого здоровья училась Олеся неважно, часто пропускала занятия. Только связи отчима и помогали ей оставаться в элитной школе. Благодаря ему, ее не отчисляли и ставили тройки вместо двоек.

– Не переживай, малыш, – ласково сказал Илья, – не всем же быть учеными. Ты у нас, зато, талантливая художница, вон какие картины пишешь.

От похвалы Олеся зарделась и смущенно улыбнулась. Только из уст Ильи она принимала ее. Его мнение ее больше всего волновало.

– Знаешь, в доме сегодня прием, – вспомнила она. – Тебя опять не посчитали, – грустно добавила.

– Вот и замечательно! Будет время поработать, – весело отозвался Илья.

После смерти матери он никогда не участвовал в семейных торжествах. Его туда просто не приглашали. Более того, отчим официально распорядился, чтобы его там не было. Прислуга, на правах которой Илья жил в доме, должна знать свое место. Илья не переживал на этот счет. Беспokoила только реакция Олеси – она каждый раз расстраивалась, а это могло спровоцировать приступ.

– Ты же знаешь, как мало у меня времени, чтобы работать над диссертацией. А это замечательная возможность, когда точно знаешь, что никому не понадобишься.

– Я бы тоже хотела остаться с тобой, но Максим Анатольевич настаивает, чтобы я была, – Олеся всегда звала Карлова по имени отчеству, не нарушая официальности. Собственно, того это вполне устраивало. – Опять, наверное, будет петь мне дифирамбы, – уныло добавила она.

– Которые, заметь, абсолютно справедливы, – улыбнулся Илья.

– Да, только мне ужасно неудобно быть в центре внимания, тем более что там будет Александра. Рядом с ней мне неудобно. Чувствую себя убогой. А она такая!.. – мечтательно закончила девушка.

– Просто, она старше тебя, – сухо проговорил Илья. – В ее возрасте ты будешь лучше.

– Ты так говоришь, потому что любишь меня, – рассмеялась Олеся, – но все равно приятно.

– Так держать! – подхватил Илья. – А сейчас беги, тебе нужно подготовиться к ужину. А я немного поработаю.

Олеся еще раз поцеловала брата, и ее стройная невысокая фигурка упорхнула вниз по внутренней лестнице. Спускаться или подниматься по наружной Илья ей строго настрого запретил.

Просторная гостиная погружена в полумрак. Окна задернуты тяжелыми бордовыми портьерами, свободно свисающими с массивных позолоченных карнизов. На большом камине, облицованном белым кафелем, тикают часы времен королевы Анны, будто бы отсчитывая время назад. Стены обтянуты тканью с благородной зелено-золотистой вертикальной полоской. На потолке строгая лепнина с большой старинной люстрой в центре. Пол покрыт пушистым ковром светло-коричневого цвета...

Вероника суежилась с венчиком в руке, смахивая пыль с индийских и китайских шкатулок, разнообразных ваз и других восточных вещиц. Их тут было расставлено такое огромное количество, что ощущался налет колониальности. Стены украшали картины в простых багетах и зеркала в богатых обрамлениях. В этой комнате, несмотря на кажущиеся излишества, все было уравновешенно, симметрично расставлено, во всем чувствовалась мера и дизайнерский вкус. Мебель строгих правильных форм отлично сочеталась с причудливыми китайскими кашпо. Овальный дубовый стол был уже накрыт белоснежной скатертью, и из старинного буфета Вероника достала посуду из тонкого фарфора и серебряные приборы.

Домработница в гостиной находилась не одна. На добротном диване, обитом шерстью и стоящем вдоль стены, развалился, закинув ногу на ногу, парень. Он внимательно наблюдал за передвижениями Вероники. С его лица не сходила ехидная улыбка, приоткрывающая мелкие острые зубы. Светлые непонятного цвета сальные волосы были зачесаны назад. На бледном и рыхлом лице маленькие мутно-серые глазки прятались за толстыми линзами очков. Пухлые губы выделялись неестественно-красным пятном на лице.

– Удивляюсь, как такая гора может так быстро передвигаться, – раздался с дивана писклявый голос, отчего Вероника невольно вздрогнула и на мгновение остановилась.

Парень противно захихикал. Женщина же продолжила уборку, не обращая внимания на этого «неполучившегося ребенка», как она его про себя называла.

Карлову Эдуарду Максимовичу недавно исполнилось восемнадцать. На совершеннолетие отец подарил любимому сыночку красный Феррари, за рулем которого тот смотрелся довольно нелепо. Представьте себе парня ростом метр шестьдесят с телосложением большого пухлого младенца, почти лежащего за рулем спортивной машины.

Вероника считала, что в какой-то момент, когда младший сын хозяина был еще ребенком, его фигура перестала развиваться. Прибавлялись только вес и рост, а все остальное – покатые плечики, толстый зад, пухлый живот – оставалось неизменным. И на это можно было бы не обращать внимания, если бы у парня был нормальный характер. Но куда там! Хитрость, лицемерие и злость странным образом сочетались с комплексом неполноценности, и все это лишь подчеркивало непривлекательность фигуры.

Эдуард – единственный, к кому Карлов старший испытывал подобие любви. Может из жалости, а может потому, что чувствовал внутреннее сходство. При видимой строгости, он

прощал сыну практически все, любые пакости, на которые тот был большим мастер, особенно в отношении Ильи и своего старшего брата. Из-за природной трусости младший сын побаивался отца, а покойную мать тайно ненавидел, считая, что именно она виновата в том, что у него такая внешность.

Больше всего он любил подсматривать и шпионить, добывая информацию для своих проделок.

– Что, так и будешь молчать, Дюймовочка? – спросил Эдуард.

– У меня слишком много дел, и обращать внимание на бездельников некогда, – спокойно ответила Вероника, по-прежнему не глядя на него и продолжая вытирать пыль.

Сказать что-то еще Карлов младший не успел – дверь в гостиную распахнулась, и вбежала Олеся в коротеньком трикотажном платьице на тоненьких бретельках. Ее точеная фигурка уже полностью сформировалась к четырнадцати годам.

– Ника, я пришла помочь, – прошептала она нежным голоском. – Одной тебе не успеть все сделать ко времени.

Что стало с Эдуардом! Его как будто подменили. Он резко соскочил с дивана и проговорил нормальным голосом нормального человека:

– Я тоже могу помочь – четыре руки хорошо, а шесть лучше.

Вероника подбоченилась и с хитрым прищуром во взгляде посмотрела на Карлова младшего.

– Ладно, ты Эдик займись тогда посудой. Правильно расставь ее, ничего не упустив. Ты ведь из интеллигентной семьи, – с ехидцей добавила она, – значит, сделаешь все, как нужно. А мы с Олесенькой пойдем займемся канapé и другими холодными закусками, – схватив девушку за руку, она потянула ту на кухню, едва сдерживая рвущийся изнутри смех.

Эдуард злобно уставился на посуду, борясь с желанием всю ее переколотить. Но делать нечего, придется выполнять поручение, не может же он ударить в грязь лицом перед Олесей, внимание которой так старательно пытался обратить на себя. Он свирепо схватил полотенце и принялся натирать до блеска фарфоровые предметы. Дверь отворилась и показалась смеющаяся голова Вероники:

– Забыла предупредить, сервировать нужно для меню из четырех блюд. Да, и фужеры, – спохватилась она, – под морс, белое и красное вино, и виски.

Не успел Эдуард хоть как-то отреагировать, как она уже снова скрылась за дверью.

С еще более мрачным видом он продолжил свою работу. Но сделать нужно, как следует, чтобы похвастаться перед Олесей. Благо, он знал все назубок. Приемы в этом доме случались часто, он на них всегда присутствовал. Кроме того, он любил наблюдать за умелыми движениями Вероники, не упуская возможности ее подкалывать.

С важным видом вернулась домработница с ворохом салфеток, зажатым под мышкой и двумя вазами с цветами. Окинув взглядом стол, она одобрительно кивнула и расставила на нем цветы. Салфетки вручила Эдуарду и не менее важно удалилась.

Эдуард мастерски свернул полотняные тряпочки и положил их каждому гостю на закусочную тарелку. В средней части стола на специальной подставке установил приборы с солью и перцем, рядом поставил вазочку с горчицей. Стол приобрел законченный вид.

Безупречные мелкие розочки красовались в невысоких вазах, чтобы не заслонять собой людей, что займут свои места за столом, или блюда, ради которых и выполнялась такая тщательная сервировка.

Вернулись Вероника с Олесей, неся блюда с холодной закуской.

– Да ты у нас просто мастер! – похвалила Вероника. – Советую посвятить этому жизнь, – тут же ехидно добавила она.

Эдуард пропустил ее слова мимо ушей. Он смотрел на Олеся, которая не обращала на него внимания, хлопоча возле стола. В сердцах он развернулся и вылетел из гостиной, сильно хлопнув дверь. Вероника весело рассмеялась, а Олеся только удивленно приподняла брови.

– Наш мальчик получил по заслугам, – сквозь смех проговорила Вероника. – Не все ему издеваться над людьми, пора и самому побывать в их шкуре, – заметив удивленный взгляд Олеси, добавила: – Все нормально, не забивай себе голову, продолжаем накрывать на стол. Пошли за напитками.

– А он красиво все сделал, правда? – спросила Олеся, оглядывая стол.

– Это точно. Я же говорю – у парня талант, – констатировала Вероника.

Эдуард, тем временем, стремительно выскочил из дома и направился в сторону гаража, полюбоваться на свой Феррари, как делал всегда, когда находился в крайнем раздражении. «Эта маленькая сучка совсем не обращает на меня внимания, – думал он, поглаживая ярко-красный капот. – Нужно будет отомстить ей, только как? Что-нибудь придумаю». Заметив маленькое темное пятнышко на левом крыле, он решил: «Завтра дам задание нашему Золушке помыть ее. Пусть отрабатывает харчи, а то, ишь, какой умный выискался, живет тут на всем готовом. А кто он такой? Да никто».

На пути к дому Эдуард завернул в мастерскую Олеси, что располагалась в отдельной небольшой постройке – маленьком уютном домике. Это была личная территория Олеси, где она вольна была делать все, что захочет. Сейчас мастерская пустовала.

Схватив первое, что попало под руку – масляные краски, Эдуард выскочил из мастерской, воровато оглянулся и кинул их через забор. Вот в этом был весь младший сын Карлова Максима Анатольевича – мелкий пакостник. С чувством глубокого удовлетворения он направился к дому, уже предвидя, как Олеся, нервничая, станет искать эти дурацкие краски.

Одного не учел Эдуард, что из окна мансарды Илья все прекрасно видел. Как только пакостник скрылся в доме, Илья спустился, поднял краски и вернул их обратно в мастерскую. Он уже давно решил не связываться с Карловым младшим по пустякам. К чему лишние проблемы? Но внимательно следить за мелким вредителем не переставал.

– Сашенька! Папа уже выкурил две сигареты. Скоро начнет нервничать.

– Уже иду! – крикнула изящная шатенка, сидящая перед туалетным столиком и добавляющая последние штрихи к безупречному макияжу. – Еще пять минут.

Она провела щеткой по длинным волнистым волосам, брызнула на себя немного духов и встала из-за столика. Стройную фигуру подчеркивало маленькое черное платье с глубоким вырезом. Короткие рукава открывали безупречной формы руки с узкой кистью и длинными пальцами.

Туфли на каблуке делали и без того высокую фигуру еще выше. Большие, зеленые глаза, почти не тронутые косметикой, светились умом и сообразительностью. Весь ее облик «кричал» о богатстве.

Она вышла из комнаты и по широкой лестнице спустилась в холл, где ее поджидали мать с отцом. Небольшого роста кругленький мужчина с дымящейся сигаретой в зубах нервно расхаживал взад-вперед, что-то бубня себе под нос и размахивая руками. Высокая красивая брюнетка, лет сорока пяти, в стильном бежевом костюме пыталась его успокоить.

– Вася, она уже идет. Прекрати маячить у меня перед глазами.

– Да, да, папуля, видишь, я уже здесь, – произнесла девушка, преодолевая последнюю ступеньку и крепко держась за перила. – Можно отправляться.

– Слава богу! – в сердцах произнес толстячок. – Мы опоздаем не меньше, чем на час. В приличном обществе себе такого не позволяют. В Англии даже десять минут опоздания уже считается проявлением неуважения, а мы...

– Пап, мы не в Англии, успокойся, – перебила его девушка. – У нас это считается нормальным. Кроме того, ты, как всегда, сильно преувеличиваешь, мы опоздаем всего на полчаса. Пробок уже нет, доберемся быстро.

Толстячок продолжал ворчать, но уже более добродушно. Они вышли во двор, где их поджидал черный БМВ. Водитель предусмотрительно распахнул дверцы.

– В Гайд-парк, – скомандовал толстячок, когда все уселись в машину.

– Что отмечаем сегодня? – спросила брюнетка у мужа.

– Забыла, что ли? Открытие нового оздоровительного центра.

– Сколько их у него? Я уже со счета сбилась.

– Неважно сколько, а важно то, что от каждого твоей фирме перепадает процент, – самодовольно хохотнул муж.

Дочь не участвовала в разговоре, она сидела и думала, что жажда накопительства не имеет предела. Вот у ее отца уже столько денег, в стольких банках, что хватит и ей – его единственной дочери, и ее детям. А он все радовался любой дополнительной возможности заработать. В глубине души ругая себя за ханжество (сама же активно пользовалась деньгами отца), не могла не осуждать его. Хорошо хоть она значительно облегчала его кошелек, много тратя на благотворительность. Но и тут вела себя довольно странно из-за специфического отношения к людям. Она считала, что жалости заслуживают только старики и дети, остальные могут позаботиться о себе сами. Поэтому, ее благотворительность распространялась только на детские дома и пансионаты для престарелых и инвалидов, не более. В семье ей принадлежала главенствующая роль. Все делалось так, как она того хотела.

Александра Стоянова, дочь заместителя мэра, двадцатитрехлетняя красавица, одна из главных модниц Екатеринбурга, которая часто красовалась на глянцевого страниц модных журналов, закончила факультет иностранных языков Свердловского Университета. Полгода провела на стажировке в Англии. Год назад вернулась из Лондона и сейчас занималась вполне успешным предпринимательством. Отец помог ей открыть британо-американский лингвистический клуб, который пользовался популярностью в городе. Там обучались и взрослые, и дети. Александра нанимала только высококлассных преподавателей. Определенное количество часов преподавание велось англоязычными специалистами, которые работали в России по контракту, и были приглашены из Англии, Америки или Канады.

Отец с матерью гордились дочерью и потакали ей во всем. Она платила им снисходительной любовью, прощая слабости.

Александра не любила всякого рода банкеты, особенно с полным обслуживанием. Точность исполнения ритуалов и количество формальностей на таких мероприятиях ее бесили. Особенно выводило из себя, что места за столом следовало занимать согласно плану рассадки.

Слава богу, сегодня ей предстояло провести время совсем по-другому, практически в кругу родственников. Но люди, к которым они ехали, относили себя к высшему обществу, приходилось вести себя соответственно, соблюдая этикет. Отчего Александру и не радовало предстоящая встреча. Все эти формальности любое застолье способно превратить в скучнейшую процедуру.

Александра отлично знала правила поведения, но иногда была не прочь их нарушить. Изредка она любила перехватить что-нибудь в Макдоналдсе, держа гамбургер обеими руками и удобно разместив локти на столе. Там можно широко открывать рот, облизывать соленые после картофеля фри пальцы. И не нужно держать ложку обязательно между большим и указательным пальцем, чтобы при этом её ручка слегка упиралась в средний палец...

Машина въехала в автоматические ворота и подкатила к парадному входу в дом. Там их уже поджидал высокий мужчина, одетый в дорогой костюм, со слегка брезгливым выражением на лице. Впрочем, оно сменилось вялой улыбкой, когда он помогал выходить из машины

матери Александры, и засветилось от восторга, когда целовал губы, которые ему подставила девушка, выйдя из машины.

Старший сын Карлова, Лев Максимович, во всем старался подражать отцу. Та же манера говорить и держать себя, тот же высокий рост. Но на этом их сходство и заканчивалось. Лицом он походил на покойную мать – большие, подернутые дымкой, карие глаза, аккуратный прямой нос, маленький рот. Черты лица скорее напоминали женские. Русые волосы, подкрашиваемые втайне от всех для придания им более насыщенного цвета, были гладко зачесаны назад, открывая овальные залысины. Ногти на руках всегда наманикюрены. В отличие от накачанной фигуры отца, его телосложение было слегка обтекаемым, без четких контуров. Лев терпеть не мог заниматься спортом и никогда не посещал тренажерный зал.

– Чего замешкались, гости дорогие? – в дверном проеме появилась подтянутая фигура Карлова старшего в светло-бежевом костюме. – Закуски уже давно на столе, только и ждут, когда их съедят. Прошу, заходите, – с этими словами, он обменялся рукопожатием с круглым толстячком, элегантно подставил локоть матери Александры и повел гостей в столовую.

Лев, по примеру отца, взял под руку Александру, и они замкнули торжественное шествие.

Максим Анатольевич на правах старшего в семействе занял почетное место во главе стола. По правую руку от себя он усадил Олесю, по левую – Эдуарда. Заместитель мэра с женой и Лев с Александрой расположились напротив друг друга.

Закуски и вина уже давно стояли на столе. Вероника суетилась, наполняя чаши дымящимся супом-пюре по-итальянски. Движения умелые и точно рассчитанные, чтобы не мешать гостям.

Под действием выпитого вина, беседа приняла более оживленный характер. Оставив часть закусок на столе, Вероника принесла горячее, убрала грязную посуду.

– Могу я обратиться к молодым? – громко произнес Карлов старший, обращаясь к Александре. Она слегка кивнула в знак согласия. – Определились ли вы с датой свадьбы? Все-таки уже полгода помолвлены.

– Мы решили не торопиться, – поспешила ответить она, не дав жениху открыть рот. – Кроме того, у меня на работе сейчас напряженный период, много новшеств. Сами понимаете, времени ни на что не остается, – с этими словами она мило улыбнулась будущему свекру.

– Конечно, спешить не стоит, но и медлить тоже, – задумчиво глядя на нее, произнес Карлов. – Что если нам приурочить это событие к осеннему балу, который будет проводиться в мэрии в октябре? На этом балу мы сможем официально объявить дату свадьбы в присутствии именитых гостей. Саму свадьбу можно организовать в ноябре. Как вы на это смотрите?

– Но я планировала как минимум до весны ничего не предпринимать, – растерялась Александра. – Тем более что ноябрь не самый подходящий месяц для свадьбы.

– Время года не имеет значения, заморозить мы тебе не дадим, – настаивал Карлов.

– Я совершенно согласен с Максимом, – подхватил отец Александры. – Тянуть со свадьбой не стоит. У людей появятся вопросы, а они нам ни к чему.

Александра всегда делала то, что хотела и так, как хотела, кроме решения выйти замуж за старшего сына Карлова. Его ей выбрал отец, и был категоричен в этом вопросе, не принимая возражений. Собственно, она и не собиралась с ним спорить. Ее отношение к супружеству отличалось таким же своеобразием, как и к жизни в целом. В любовь она не верила, союз со Львом считала вполне приемлемым, поэтому с отцом особо не спорила, но и торопить события не хотела.

– Так что вы мне на это скажите? – вопросительно посмотрел на нее Карлов.

– Собственно говоря, почему бы нет, – произнесла Александра, умело маскируя раздражение под маску светской львицы. – Ты как, дорогой? – обратилась она к жениху.

– Я согласен, – в своей обычной вялой манере ответил Лев.

Проявлять инициативу – не его конек. Несмотря на то, что в бизнесе отца он играл серьезную роль, все фитнес салоны и оздоровительные центры находились под его началом, инициатива исходила только от отца. Лев вынужден был полностью подчиняться его власти, в глубине души мечтая в один прекрасный день все прибрать к рукам.

– Тогда решено, свадьбу сыграем в ноябре, – удовлетворенно произнес Карлов старший, довольно потирая руки. – А теперь, не выпить ли нам за это? Как насчет чего-то покрепче вина? Василий, ты как?

– Я всегда за, ты же знаешь, – довольно расплылся заместитель мэра, за что получил увесистый пинок под столом от супруги, с лица которой не сходила милая улыбка. – Только без фанатизма, договорились?

– О чем речь? – Карлов старший не увлекался спиртными напитками, но поощрял, когда кто-то из нужных людей при нем набирался. С его точки зрения, такой момент являлся самым благоприятным для получения различных сведений той или иной степени важности. Он часто приглашал в дом «нужных людей», как сам их называл, спаивал и выуживал информацию.

Старший сын и в этом пытался ему подражать, только его попытки часто заканчивались тем, что он набирался больше «нужного человека» и сам выбалтывал лишнее, за что потом получал от отца.

– А сейчас, я бы хотел перейти к другой теме, – продолжил Карлов. – Хочу показать вам новую работу Олеси. Разрешаешь? – с деланной шутливостью обратился он к девушке, сидевшей возле него, скромно потупив взор.

Она лишь кивнула. Запретить ему все равно невозможно, хоть в душе и поднималась волна противоречия. Такие моменты она больше всего не любила, но каждый раз они повторялись.

Карлов встал, взял объемное полотно, стоящее лицом к стене, повернул его к гостям и установил на стол, предварительно сдвинув приборы. Он бережно придерживал картину руками. Олеся даже не шелохнулась, продолжая рассматривать скатерть. На полотне был изображен зимний пейзаж, фрагмент какого-то сада, только выглядел он достаточно необычно. Снег отливал фиолетовым, ели синевой, скамейки и кусочек забора казались розоватыми, а симпатичный заяц в центре картины был по-летнему серым.

– Но это же сказочно красиво! – воскликнула Александра. Олеся впервые подняла глаза и робко посмотрела на нее. – С каждым днем ты пишешь все лучше, – она ласково улыбалась Олесе, подбадривая ту взглядом.

– Картина, правда, замечательная, – отозвалась мать Александры. – Только почему ты ее так причудливо раскрасила, дитя мое?

– Это получилось само собой, – тихо ответила Олеся, – как-то не специально.

– В этом отражается ее отношение к жизни, – глубокомысленно заявила Александра. – Ее восприятие окружающего мира. Она не такая, как мы, и может себе это позволить.

Лицо отчима выражало восторг и гордость. Его аж распирало.

– Эту картину я повешу в холле, прямо напротив входной двери, чтобы каждый, кто заходит, мог видеть ее, – торжественно заключил он.

Олеся боролась с сильным желанием встать из-за стола и убежать к Илье, в его спасительное убежище, но она понимала, что так поступать невежливо. Вся ее природная скромность восставала против возможности оказаться в центре внимания. Хотелось забиться в угол, ничего не видеть и никого не слышать.

До Ильи доносились звуки из гостиной, которые постепенно становились все громче. Гости подвыпили, оживились, торжественность обстановки слегка разрядилась. Он слышал, как Карлов пригласил всех перейти в летнюю столовую на чашечку кофе. Там же можно было

покурить, чего не разрешалось в гостиной. Хозяин дома придерживался строгих правил, одним из которых и было, что для подачи кофе рекомендуется менять обстановку, переходить в другую комнату, где можно расслабиться, принять более удобную позу и позволить себе закурить трубку.

У Олеси, наконец-то, появилась причина удрать. Илья услышал торопливый топот ее ножек по лестнице и с улыбкой повернулся к двери.

– Уф, – забежала она и плотно прикрыла дверь, – слава богу, все закончилось, – она забралась с ногами на диван и довольно посмотрела на брата.

– Как все прошло? – спросил он.

– Как обычно – пафосно и неинтересно, – наморщила она свой аккуратный носик. – Решили, что Лев с Александрой поженятся в ноябре. Максим Анатольевич, как всегда, показывал мою мазню, – невольно покраснела она.

– Не лукавь, малыш, – с улыбкой перебил ее Илья. – Ты и сама знаешь, что твои картины хороши.

– Может и так, – нехотя согласилась она. – Только когда их выставляют на всеобщее обозрение, и каждый высказывает свое мнение, они мне кажутся отвратительными.

– Тебе давно уже пора к этому привыкнуть и не обращать внимания, – Илья погладил ее по щеке и сочувственно улыбнулся. – Так будет все время, не стоит портить из-за этого себе нервы.

– Как скажешь, босс, – весело козырнула она.

– А как вел себя Эдуард?

– Да как обычно – молча уплетал все, что попадалось ему под руку.

– К тебе не приставал?

– Что ты?! При отце он себе ничего такого не позволяет, только пялится, когда никто не видит, – она придвинулась к столу и повернула к себе фотографию в простой коричневой рамке. Со снимка смотрела красивая женщина, рядом стоял улыбающийся светловолосый мужчина. – Почему мама так рано умерла? – грустно спросила Олеся, погладив пальцем изображение женщины.

– У нее было больное сердце, ты же знаешь, – ответил ей Илья.

– Знаешь, – как эхо повторила она, – ты удивительно на нее похож – те же глаза и губы. Только волосы у тебя темные, а у нее были русые. А вот я больше похожа на папу, которого совсем не знаю, – теперь она погладила изображение мужчины.

Илью настораживала смена настроения у сестры. Скорее всего, приближается очередной приступ. Хорошо, что начались каникулы. Сегодня она сдала последний экзамен. Завтра он дома, проследит за ней. А в воскресенье это сделает Вероника.

– Расскажи мне про папу, – попросила Олеся.

– Да я и сам слабо помню его. Он умер сразу, как я закончил третий класс, а ты только родилась. Мы тогда жили в Оренбурге. Отец работал геологом и часто уезжал из дома. Я редко его видел. Знаю только, что он был очень добрый, любил маму. Помню, как он радовался, когда ты родилась. После его смерти, мама вместе с нами переехала в Свердловск, здесь ей от матери осталась квартира. Вскоре она познакомилась с Карловым и вышла за него замуж. Дальше ты и сама все знаешь.

– Зачем она вышла замуж за Карлова? Ведь не любила его, – тихо проговорила Олеся.

– Возможно, не устояла. Знаешь же, как он добивается своего. А может ради нас. Трудно сказать... Не знаю... – честно ответил Илья. Сестра уже выросла, и разговаривать с ней можно было по-взрослому.

– Я тоже так думаю. Не понимаю только, как можно жить без любви? Вот и Александра не любит Льва Максимовича, это же сразу понятно. Зачем тогда она выходит за него замуж? – размышляла Олеся.

Илья собрался уже ей ответить, как затрещал мобильный телефон. Звонил Денис Матвеевич – заведующий отделением.

– Алло, – поднес он телефон к уху. – Добрый вечер, Денис Матвеевич.

– Здравствуй, Илья. Выспался?

– Да, все хорошо, спасибо. Как прошел рабочий день?

– Об этом я и хочу поговорить с тобой, – устало вздохнул Карякин на том проводе. – Не слишком поздно? Ты можешь разговаривать?

– Одну минуту, Денис Матвеевич... – Илья повернулся к сестре: – Малыш, уже поздно и тебе пора спать. Беги к себе, ложись, а завтра мы с тобой придумаем, чем заняться.

Поняв все с полуслова, Олеся поцеловала брата и выпорхнула за дверь.

– Я слушаю вас, Денис Матвеевич, – вернулся Илья к разговору.

– Знаешь, Илюш, твой больной из четвертой палаты, Синицын, ведь умер сегодня ровно в девять утра, – сердце Ильи пропустило удар. Значит, мистическое предсказание сбылось. – Странно как-то... Чувствовал себя хорошо, ни на что не жаловался, а потом – остановка сердца. Все наши попытки реанимировать ни к чему не привели. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате обширного инфаркта. Вот так-то, – повисло тяжелое молчание. – Понимаю, что ты сейчас подбираешь нужные слова, но сказать тут нечего. Факт остается фактом. Никто не виноват в его смерти. Сыграло ли роль самовнушение, я не знаю. Да и неважно все это.

– Сколько ему было лет? – Илья с трудом задал вопрос. Голос не повиновался ему. Работая в больнице, привыкаешь, что смерть всегда рядом. Но этот случай не вписывался в обычные рамки. Он нарушал все законы медицины. Человек, которому сделали сложнейшую операцию на головном мозге, умирает от банального инфаркта. Уму непостижимо!

– Сорок пять, как и мне, – усмехнулся Карякин.

– Что же мне теперь делать? – задумчиво произнес Илья. – Куда девать ту вещь?

– А куда, – спокойно ответил заведующий. – Оставь ее у себя, засунь подальше и забудь. Не было ее никогда. Понял? Жена его была сегодня у меня, она даже не упомянула о раритете. Ты тоже кроме меня никому не рассказывал о ней. Вот и забудь.

– Трудно забыть о таком. Мысли всякие лезут в голову.

– А я тебе говорю, забудь, – строго велел Карякин. – В конце концов, тебе есть о чем думать. Как, кстати, себя чувствует Олеся?

– Сегодня появились перепады в настроении. По всей видимости, начинается продромальный период, – Илья тяжело вздохнул. – Думаю, припадок может случиться завтра. Буду наблюдать и ждать наступления ауры...

Непосредственно перед припадком, за три-пять минут, у Олеси появлялась аура – состояние-предвестник. В этот момент она улавливала запахи, достаточно экзотические, которых и в помине не было. Илья вспомнил, что на прошлой неделе она отчетливо уловила аромат магнолии и кипариса. А однажды она почувствовала запах свежего типографского издания.

– Надо бы сделать электроэнцефалограмму, – задумчиво произнес Карякин. – С момента последней уже прошло полгода. Нужно определить степень распространения, если она есть. Приезжай-ка ты с ней на следующей неделе, немножко пообследуем, и не забывай регулярно давать противосудорожные.

– Хорошо, Денис Матвеевич, – вздохнул Илья.

– Давай округляться, спокойной ночи, Илюш. И держи нос по ветру, не унывай.

Илья отключился и надолго задумался. Сейчас он испытывал чувство невозможности повернуть время вспять, внимательнее отнестись к словам больного из четвертой палаты, принять меры и не допустить наступления смерти. Может быть, результат был бы все равно таким, но он хотя бы попытался что-то сделать, а не отправился спокойно домой, приняв слова Синицына за бред сумасшедшего.

Солнце спряталось за горизонт, и мансарда погрузилась в темноту, лишь свет монитора бросал отблеск на небольшой участок стола. Ночная прохлада еще не пришла на смену дневной жаре. Душный воздух пропитался запахом садовых цветов и влагой с озера.

Илья подошел к распахнутому окну и выглянул в сад. Правильно посаженные декоративные деревья и кустарники в мягком свете фонарей наполняли сад одновременно строгостью и великолепием. Все дышало изяществом и роскошью. Илье нравилось смотреть на вечернее буйство красок. Красота сада моментально находила отклик в его душе, гармонировала с внутренним миром. Если Илья веселился, то и сад казался нарядным и торжественным, если, как сейчас, испытывал грусть, то и сад проникался этим чувством и выглядел неотразимо-печальным.

С того самого дня, как умерла горячо любимая мать, которой он восхищался, как женщиной и мудрым и добрым человеком, всегда умеющим найти слова поддержки, в душе Ильи поселилась горечь. Именно сейчас мама была особенно ему нужна, как и ее поддержка. Но она ушла, и только друг в друге они с сестрой находили утешение. Карлову не свойственны были душевные муки. Он переживал лишь потерю вещи, которую считал драгоценной. А мама была не вещь. Илья всегда считал ее ангелом с крыльями, которая взлетела, как только у нее появилась такая возможность, и вырвалась из земного плена.

В такие минуты, как сейчас, Илья чувствовал свою уязвимость. Все время ему приходилось прятаться, скрываться под маской равнодушия или веселости. На ум пришли слова Есенина, написанные как будто специально для него:

В грозы, в бури,

В житейскую стынь,

При тяжелых утратах

И когда тебе грустно,

Казаться улыбчивым и простым —

Самое высшее в мире искусство.

На свои желания Илья уже давно махнул рукой. Иногда ему даже казалось, что и не хочет ничего вовсе. Единственный человек, ради которого он жил и пытался чего-то добиться – его сестра. Но и тут он был бессилен. Победить недуг не было никакой возможности. Порой Илья от беспомощности погружался в беспросветность. Но, как правило, после таких приступов, близких к состоянию депрессии, он с большим рвением принимался за дело, искал все новые и новые пути, как можно побороть заболевание.

Вынырнув из безрадостных мыслей, Илья снова окинул взором сад и улыбнулся при виде Олесино детского альпинария – небольшого альпинария, разбитого на маленьком склоне посреди газона. После смерти матери, по просьбе сестры, отчим нанял искусных ландшафтных дизайнеров, которые построили это сложное сооружение, имитирующее горный ландшафт. Олеся тогда ни на шаг не отходила от них, участвуя во всех работах, особенно связанных с посадкой цветов. С ранней весны и до поздней осени, каждый день она какое-то время проводила на своем живописном участке, ухаживая за ним. Карлов гордился им, как и всем, что являлось творением рук Олеси. Сейчас, в лучах вечерней подсветки, альпинарий выглядел особенно сказочно.

Шум открываемой двери и громкие голоса вывели Илью из состояния грустной задумчивости. Гости покидали дом Карлова. Кругленький заместитель мэра находился в сильном

подпитии. Элегантная жена крепко держала его под руку, не давая шататься. За ними шли Александра со Львом. Тот обнимал ее за талию и крепко прижимал к себе, иногда припадая губами к белой шее. Она с надменным и гордым видом разрешала ему это делать.

Замыкал шествие как всегда трезвый и подтянутый Карлов старший, гордясь очередным удачным банкетом.

– Слушай, Макс, – пьяным голосом пролепетал заместитель мэра, – а приезжай-ка завтра к нам на все выходные. Попаримся в баньке, поиграем в бильярд, поплаваем в бассейне. Давай устроим себе настоящий уикэнд, а? Мамочка за нами поухаживает, правда, дорогая? – обратился он к жене, пытаясь дотянуться губами до ее щеки.

– Конечно, Максим, почему бы и нет. Приезжайте, – вернула та мужа в вертикальное положение и посмотрела на Карлова, одарив улыбкой, не выходящей за рамки вежливости.

Любой другой человек на месте Карлова отказался бы от приглашения. Но отчиму нравилось делать то, что вносило неудобство в чью-либо жизнь. Видя нежелание супруги приятеля, он сразу же согласился:

– С удовольствием, дорогие мои, – широко улыбаясь, с видом победителя, проговорил Карлов. – В выходные я абсолютно свободен. Могу остаться у вас до утра понедельника. От вас поеду прямо на работу.

Илью аж передернуло от подобной наглости. Мать Александры слегка изменилась в лице, но быстро справилась с собой. Александра пристально посмотрела на будущего свекра, пытаясь разгадать его намерения, но натолкнулась на честный взгляд. Решив, что показалось, она обратилась к жениху:

– Ты останешься здесь на ночь? Или поедешь домой?

– Сегодня останусь тут, – пьяным голосом ответил Лев, отчего Александра не удержалась и немного скривилась. – Не хочу садиться за руль и превращаться в убийцу на дорогах, – придурковато хихикнув, закончил он свою мысль, которая далась ему с великим трудом.

– Как хочешь, – равнодушно пожала плечами Александра.

Она высвободилась из объятий жениха и с очень прямой спиной направилась к машине, дверцы которой уже были распахнуты предупредительным водителем.

Когда почетные гости уехали восвояси, Карлов старший повернулся к пьяному сыну и произнес:

– В кого ты только уродился – такой глупый? – весь его вид выражал крайнюю степень презрения, отчего Лев сжался и казался пришибленным. – Хоть раз ты пробовал так не напиваться? С каждой рюмкой ты тупеешь на глазах, превращаешься в дауна с глазами глупой коровы, – его слова хлестали, раздавливая сына, опуская его ниже некуда. – Ты позоришь фамилию Карловых, ставишь под удар все мое дело, которое я строил годами, лично, – Илья спрятался в тени мансарды, но слышал каждое слово, произносимое металлическим голосом отчима. – Ты такой же жалкий, какой была твоя мамаша, полное ничтожество. Что только нашла в тебе Александра? Хотя женщинам не свойственно разбираться в людях, они слишком примитивны для этого, – его сын продолжал молчать, громко и пьяно сопя. – Иди спать, неудачник.

Лев Карлов и на следующее утро не смог сесть за руль. Накануне он явно перебрал и чувствовал себя ужасно. Голова раскалывалась, тело казалось чужим и вялым, руки безбожно дрожат... Даже процедура одевания вызвала приступ тошноты.

В доме отца долго находиться не мог, несмотря на то, что тот с утра пораньше отправился в гости. Лев предпочел воспользоваться услугами водителя отца, а свою машину доверить опытным рукам Ильи. Впрочем, с последним лично он почти не общался. С детства опа-

сался пронзительного взгляда названного брата. Машину Лев оставил в гараже и передал через Веронику поручение вымыть ее как следует.

Младший сын Карлова редко проводил выходные дома. Как только стал совершеннолетним, предпочитал европейский уикенд. Когда погода позволяла, улетал за границу с друзьями – такими же отпрысками богатых родителей. Вот и сегодня с утра Эдуард отправился напрямиком в Париж – разгонять тоску.

Для Ильи же утро субботы началось традиционно с мытья машины, принадлежащей старшему сыну отчима, которая была похожа на него, как две капли воды: такая же большая, обтекаемая, с претензией на необычность и экстравагантность. Илье всегда казалось, что покупая такую машину, Лев хотел всем что-то доказать.

Вероника весело хлопотала по дому, наводя порядок после вчерашнего банкета. Олеся ей помогала. С моечной площадки Ильи слышал, как они щебечут и смеются в доме. Сестренка проснулась сегодня в отличном настроении. Больше всего она любила такие моменты – когда в доме никого кроме них, и можно делать все что угодно. Мысль, что отчима и завтра не будет, только улучшала настроение.

По-прежнему стояла жара не свойственная июню. Илья обливался потом, отмывая машину брата. На огромной площадке не росло ни единого деревца. Солнцу не за что было спрятаться, и оно палило нещадно, делая еще темнее и без того смуглую кожу Ильи.

После мытья машины предстояло стричь газон. Это Илья проделывал два раза в неделю, чтобы ярко-зеленое покрытие выглядело безупречно. Он помнил, как высаживался этот газон. Мама тогда только вышла замуж. Дом уже построили, и Карлов как раз приступал к благоустройству территории. Все заботы по приглашению дизайнеров, размещению сада с постройками и устройству газона мама взяла на себя. Она любила копаться в земле. Олеся унаследовала это от нее. Газон явился завершающим этапом ландшафтных работ.

Раньше за газоном следил садовник. Раз в год из Москвы приезжал специалист от дизайнерской фирмы и занимался специфическими работами в саду. Специалист приезжает и сейчас, а роль садовника теперь выполняет Илья. Карлов решил, что так будет целесообразней.

Сидя на газонокосилке, Илья медленно передвигался по зеленому ковру, делая тот ровным, пушистым. В такие моменты он чувствовал себя Форестом Гампом из одноименного фильма, с той лишь разницей, что герой Тома Хенкса занимался этим ради удовольствия, а Илью вынуждала необходимость. Хотя, ситуация даже забавляла его. Он отчетливо представлял себе, как выглядит со стороны, словно всадник на огромной черепахе, и боролся с приступами смеха.

Он уже собирался развернуться, как передумал это делать, услышав за спиной цокот каблучков. Узнать посетительницу по походке оказалось не трудно, и встречаться с холодным и надменным взглядом Александры желания не было. Илья продолжал двигаться по газону спиной к девушке, как услышал какой-то звук, очень похожий на падение, и негромкий вскрик. Вот тогда он резко обернувшись и увидел, что Александра сидит на мощеной дорожке. Одна нога ее была нелепо вывернута, коротенькая юбка задралась, открывая взору розовые ажурные трусики. Девушка безуспешно пыталась выдернуть тонкий каблук, застрявший в стыке плиток.

Илья выключил мотор газонокосилки и поспешил к Александре. Когда подошел ближе, заметил, как по щекам девушки бегут слезы. Она молча отчаянно размазывала их по лицу, не прекращая попыток вытащить злополучный каблук. Илья присел и аккуратно высвободил ногу из красной лакированной туфли. Затем ощупал ее умелыми руками хирурга. Коснувшись внутренней поверхности бедра, немного дольше, чем положено, задержал руку, так ему понравилось ощущение гладкой как шелк кожи. В какой-то момент Александра вскрикнула. Илья посмотрел в зеленые глаза, затуманенные болью и слезами, и спросил:

– Здесь болит? – он притронулся к стыку голени и стопы. Тихонько застонав, Александра кивнула. – Кости вроде целы, но возможна трещина. Нужно сделать рентгеновский снимок, –

Илья аккуратно положил ее ногу на дорожку и поправил юбку, прикрывая трусики. Даже несмотря на боль, девушка густо покраснела. – Сиди тут, только не двигайся, я мигом, – с этими словами он забежал в дом предупредить Олесю с Вероникой, что ненадолго отлучится. Вдаваться в подробности не стал.

Александра в точности следовала указаниям – сидела, боясь шелохнуться. Илья резким движением выдернул каблук из стыка плиток и помог ей подняться на ноги. Нежный цветочный аромат ее духов окутал его невесомым облаком. Она ими всегда пользовалась, и Илье нравился этот запах, только не сочетался он, по его мнению, с надменным образом красавицы.

После первой же попытки ступить на правую ногу Александра приглушенно охнула и невольно оперлась на Илью. Тогда он подхватил ее на руки и понес к своей машине.

– Я отвезу тебя в ближайший травпункт. Там тебе помогут, – сказал он всхлипывающей на груди девушке и борясь с противоречивыми чувствами. С одной стороны, его переполняла жалость, с другой – не верилось, что именно ее он держит сейчас на руках.

Александра даже не пыталась сопротивляться, лишь попросила слабым голосом:

– Возьми, пожалуйста, мою машину, – она указала рукой на серебристо-голубой Опель, припаркованный возле забора. – А потом, если тебе не трудно, отвези меня домой.

Она смотрела с такой трогательной мольбой, в ее больших глазах застыли слезы, и Илья не рискнул возразить.

– Хорошо, – только и сказал он, усаживая ее на переднее сидение и пристегивая ремнем безопасности, думая лишь о том, какая она мягкая и нежная.

До травматологического пункта они добрались сравнительно быстро. В субботу в это время суток пробок в городе не было. В больнице Александре сделали снимок. Диагноз поставили ушиб мягких тканей и растяжение связочного аппарата голеностопа. Наложили давящую повязку на десять дней и рекомендовали поддерживать ногу на холоде, чтобы избежать появления гематомы.

Под действием болеутоляющего, Александра немного пришла в себя, отчего вид ее стал почти привычным – гордым и надменным. Разве что она все еще немного стеснялась собственной беспомощности.

Илья усмехнулся про себя, когда увидел ее, выходящую из кабинета с «нормальным» выражением лица. Александра напряглась, когда Илья обхватил ее за талию и намеренно сильно прижал к себе, помогая идти до машины. Он не переставал тайком потешаться, догадываясь, каких трудов ей стоит казаться невозмутимой.

Александра жила отдельно от родителей, в уютном районе, в небольшой двухкомнатной квартире.

Всю дорогу до ее дома они молчали. Илью ситуация забавляла и раздражала одновременно. Он видел, как Александра борется с собой, пытаясь выглядеть вежливой и благодарной. Срабатывала привычка смотреть свысока на таких, как он, – ниже стоящих на общественной лестнице. Обычно Илью это не волновало, но сейчас почему-то задевало за живое. Раньше он относился к Александре, как к живой кукле, не задумываясь о внутреннем содержании. Сегодня же, сам того не желая, разглядел в ней живого человека. То, что увидел, ему понравилось. Захотелось заставить ее уважать себя.

Уже в квартире, усадив ее в мягкое кресло, Илья спросил:

– Ты зачем приходила-то? Отчима дома нет, да и жениха твоего тоже, – вопрос прозвучал резко, чем планировал.

– Вчера я забыла у вас телефон. В итоге, опять его не забрала, – с досадой ответила она и отвернулась к окну.

Такая реакция развеселила Илью.

– Ладно, работать ты все равно пока не можешь. Врач сказал, что тебе нужен покой. Завтра у меня дневная смена. Часов в семь утра завезу телефон, а ты за это напоишь меня

кофе, – весело произнес он, на что Александра только угрюмо кивнула, продолжая смотреть в окно. – Отдыхай, Снежная королева, – с этими словами он развернулся и вышел, не заметив ее удивленного и оскорбленного лица.

Домой Илья отправился на метро, потом на автобусе. Такси было непозволительной роскошью. Всю дорогу он думал об Александре. Ее трогательное и заплаканное лицо стояло у него перед глазами. Он вспоминал нежность ее кожи, запах волос, упругость тела. Ему хотелось еще раз прижать ее к себе и долго-долго не отпускать.

Илья знал Александру уже почти год. Она часто появлялась в их доме. Но никогда раньше он даже не разговаривал с ней. Чаще она вообще не обращала на него внимания. И, естественно, никогда эта холеная красавица не затрагивала в нем подобных чувств.

Он пытался стряхнуть с себя наваждение, но ничего не получалось, образ Александры возвращался и опять вставал перед его мысленным взором.

Дома он удовлетворил любопытство сестры и Вероники по поводу внезапного отъезда, и рассказал вкратце про падение Александры.

– И эта кукла позволила тебе оказать ей помощь? – со смехом спросила Вероника.

– А куда ей было деваться? – сдержанно ответил Илья. Почему-то слово «кукла» неприятно резануло слух. – Когда болит, выбирать не приходится.

Олеся искренне разволновалась. К Александре она испытывала двоякое чувство. С одной стороны, та ей нравилась, с другой – смущала уверенным и доведенным до совершенства обликом. Илья поспешил успокоить сестру, что с Александрой все будет хорошо.

Вероника удивленно смотрела на него, но ничего не говорила. Она подозрительно щурила глаза. Илья заметил это и, чтобы избежать ненужных расспросов, пошел заканчивать стрижку газона.

Вечером, когда они собрались за ужином в вычищенной до блеска кухне, у Олеси случился припадок. Она резко выпрямилась за столом и произнесла чужим голосом:

– Кто разлил зеленку? Ужасно воняет!

Илья с Вероникой переглянулись и вскочили из-за стола. Не прошло и двух секунд, как последовал припадок: Олеся вскрикнула, остекленевшими глазами глядя на противоположную стену, и потеряла сознание. Илья подхватил ее, сел на пол и прислонил спиной к себе. Дыхание ее замедлилось, лицо посерело, на нем проступили синие жилы. В следующее мгновение руки и ноги, а потом и вся она начали подергиваться. Зрачки ее широко раскрытых глаз увеличились, лицо налилось кровью, кожа покрылась потом и изо рта начала выделяться слюна. Припадок длился не более двух минут, которые Илье с Вероникой показались вечностью. Все это время Илья поддерживал голову Олеси, следя, чтобы та не прикусила язык или щеку во время припадка.

Через какое-то время мышцы девушки расслабились, судороги стихли, дыхание выровнялось и стало глубоким. Сознание к ней так и не вернулось. Она впала в глубокий сон.

Илья отнес сестру в комнату. Время приближалось к восьми. Он знал, что Олеся проспит до утра, и ничего не вспомнит. Завтра будет страдать от головной боли и тошноты. Против этого не было лекарства, единственное действенное средство – находиться в постели, пока состояние не улучшится. Слава богу, что завтра воскресенье. Дома, кроме Олеси и Вероники, никого не будет, значит, Илье можно не волноваться и спокойно отправляться на работу.

Александра какое-то время продолжала смотреть на дверь, закрывшуюся за Ильей. И что это было? Попытка оскорбить? Сам-то кто!.. Она покусывала нижнюю губу, понимая, что раздражается по пустякам, и не видя для этого веской причины. Что-то в поведении пасынка Карлова ее задело, а вот что именно, она не знала, как ни прокручивала последние события в голове.

Она всеми силами старалась превратить Илью в злодея, но ничего не получалось. Бросив тщетные попытки, вынуждена была признать, что вел он себя безупречно, ну или почти безупречно. Все таки, когда он прикасался к ее ноге (умелые движения его рук она не могла забыть, так и видела эти сильные загорелые пальцы на своей коже), то, кажется, позволил себе лишнее. А, может, ей и это только показалось. Сейчас она уже ни в чем не была уверена. Как бы там ни было, образ парня наглухо застрял в ее голове, и выкинуть его оттуда не получалось.

Александра в раздражении взглянула на ногу, перетянутую эластичным бинтом. Какое-то нелепое и досадное происшествие! Как она вообще умудрилась упасть? Столько раз ходила по этой дорожке, и не только летом, но и зимой, когда все покрыто наледью, и ни разу не падала. А сегодня, ну надо же такому случиться. И никого не было поблизости, кроме этого... Ильи, кажется. И он стал свидетелем ее позора. Почему он именно в этот момент косил этот проклятый газон?!

Раздражение Александры достигло пика, когда она представила себя, распростертой на земле с нелепо задраным подолом. Стоило вспомнить, с каким выражением на лице Илья поправил ей юбку, и дурнота не заставила себя ждать. Увидели бы ее в тот момент дотошные папарацци, которые охотятся за знаменитостями и частенько не дают прохода Александре. Вот была бы пища для сенсационной статьи! Подобная перспектива даже рассмешила.

В попытке отвлечься от ненужных мыслей Александра встала и доковыляла до телефона. Набрав номер, без приветствия бросила в трубку:

– Эльвира! Извини, что звоню в выходной, просто дело очень важное.

Мысль, что собеседник может не узнать ее по голосу, или, что сначала нужно поздороваться, даже не пришла ей в голову. Александра была в этом вся – амбициозная и властная натура, отлично знающая себе цену.

– У меня случилось непредвиденное, и завтра я не смогу появиться на работе. А ты ведь знаешь, что по воскресеньям я сама занимаюсь с внучкой мэра. Так вот, организуй, пожалуйста, выход на работу Алевтины Федоровны, пусть подменит меня. Это на один раз. В следующее воскресенье я сама проведу занятие.

Все поручения Александра передавала через секретаря – Эльвиру. Она считала, что нарушение субординации ведет за собой сбой дисциплины в целом, и строго соблюдала иерархию.

Стоило только положить трубку, как накатила усталость. То ли обезболивание так действовало, то ли шок еще не прошел. Ей требовался оздоровительный сон.

Больше всех мест в квартире Александра любила свою спальню. Выполненная в стиле барокко, в мягких кремовых оттенках, с полом цвета темного шоколада, комната располагала к отдыху. И в то же время, она не вызывала зевоту сразу при входе, как спальня в доме родителей, к примеру. Здесь можно было просто полежать и подумать перед сном.

Александра свернулась калачиком на огромной кровати, натянув одеяло до подбородка, и сразу же крепко уснула. Разбудил ее телефонный звонок. Она протянула руку к прикроватной тумбочке, за трубкой. Звонила мама, волновалась, почему мобильный дочери отключен. Пришлось вкратце рассказать ей о происшествии, а потом какое-то время выслушивать охи и ахи.

После разговора с мамой сон снова сморил ее. Но не прошло и часа, как ее разбудили окончательно. Кто-то громко стучал во входную дверь. Этот кто-то, по всей видимости, сначала звонил, а, так как звонок тихий, принялся колотить. И кого только нелегкая принесла, когда ей так хочется спать?

Распахнув дверь, Александра увидела жениха и молча впустила того в квартиру. Выглядел он достаточно свирепо, если такое можно было сказать про его натуру. Но что бы у него ни случилось, в данный момент ее это интересовало меньше всего. Она все еще не могла проснуться и, доковыляв до кресла, буквально упала в него, сонно шурясь и ожидая, когда Лев заговорит первым.

– Ты что, не могла позвонить, когда все произошло? – гневно произнес он. – Почему я должен узнавать новости от твоей матери? И почему этот недомерок возит тебя по больницам, а не я?

– Ты даже себя никуда не смог бы отвезти, – сонно парировала Александра. – Я бы умерла от боли, пока дождалась тебя. К чему все эти разборки? – устало вздохнула.

– Ты что не понимаешь, о чем я говорю, или прикидываешься? – сурово сдвинул брови Лев.

– Что я должна понимать? – начала выходить из себя Александра. – Что у меня жутко болела нога, и я только и мечтала избавиться от этой боли?

– А то, что этот... трогал тебя руками? Ничего?! – почти прокричал ее жених.

– Во-первых, прекрати орать, – медленно и четко произнесла Александра, – а во-вторых, перестань делать из мухи слона. Если не можешь говорить нормально, уходи, придешь, когда сможешь, – она исподлобья смотрела на жениха, испепеляя того взглядом.

Лев разом притих, как и всегда, когда встречал сопротивление со стороны невесты. Эта черта хорошо была известна Александре. Она четко знала, как и где следует себя вести с ним. За долгое время она научилась ловко манипулировать им, зная наперечет все его недостатки. И ее это вполне устраивало. Но сейчас отчего-то испытывала глухое раздражение. Бесил его вялый и нерешительный характер. Именно тогда, когда она готова по-настоящему с ним повздорить, он не дает ей такой возможности, сразу идет на попятный.

– Ладно, давай забудем. Все это не стоит того, чтобы ссориться. Давай, лучше, съездим куда-нибудь, поужинаем, – предложил Лев с обычными бесцветными интонациями в голосе.

Чего-чего, а этого ей точно не хотелось. Перспектива провести с ним вечер совсем не радовала. Скорее, эта мысль повергала в ужас. Тут еще совсем уж некстати вспомнились серо-голубые, почти прозрачные, глаза Ильи. Она как будто снова увидела их перед собой – пронзительные, с затаенной усмешкой в глубине. Картинка получилась настолько отчетливой, что Александра зажмурилась и потрясла головой, чтобы видение рассеялось.

– Зачем так-то? – услышала она обиженный голос Льва. В удивлении взглянув на жениха, поняла, что выглядит тот обиженным, почти убитым. Губы дрожат, того и гляди зарыдает. – Так скривилась, как будто съела гадость? Что я такого сказал?

Александра чуть не расхохоталась ему в лицо. Как объяснить, что морщилась она от мысли о другом мужчине, который не идет у нее из головы? Придется объяснять тогда и причину. А причины-то она и не знала. Наваждение какое-то, да и все. Непрошенные мысли лезут, спасу нет.

– Лев, ты не обижайся, ладно? – примирительно проговорила она и даже попыталась улыбнуться. – Просто голова раскалывается, трудно терпеть. Ты поезжай, поужинай без меня. Я лучше прилягу, отдохну еще немного.

Ласковые нотки в голосе невесты словно послужили сигналом. Лев как будто только этого и ждал – тут же приблизился к ней, опустился на колени и неуклюже уткнулся носом в ее ноги. Александра слегка погладила его по голове. Как большой ребенок, честное слово!

Тем временем, Лев начал действовать более решительно: он обхватил бедра невесты руками и носом стал расчищать путь между полами ее халата. Нет, нет и нет! Александра отодвинулась от жениха, не в силах сдержать брезгливую гримасу. Так они не договаривались! Вслух же сказала:

– Дорогой, ну ты же понимаешь, что я сейчас не могу. Моя нога... – и кокетливо воздела глаза к потолку.

– Ох, прости, любимая, совсем забыл, ты же сегодня пострадала, – он оторвал от нее покрасневшее с признаками разгорающейся страсти лицо. – Оставим это до лучших времен.

Лев заботливо уложил Александру в постель, подоткнул одеяло со всех сторон, включил телевизор и даже нашел какой-то фильм. После чего с видом триумфатора удалился ужинать в гордом одиночестве.

Как только за женихом закрылась дверь, Александра в сердцах выключила телевизор и устала в потолок. Никогда еще раньше он так не выводил ее из себя. И это ее совершенно не радовало!

Сидя в машине под окнами невесты, Лев размышлял, нужно ли ему сегодня что-нибудь погорячее его недотроги? И почему только так тянет к ней? Просто баба, каких много, а видит ее и теряет голову. Невеселая усмешка скривила губы. Он быстро набрал номер на мобильном телефоне, а когда услышал тоненький голосок, весело прощепетавший «Ау», на душе немного полегчало, и жизнь перестала казаться такой серой.

Илья проснулся с рассветом. Первым делом он проведал спящую сестренку. Поцеловал ее и накрыл одеялом. В распахнутое окно врывается прохлада уходящей ночи, и Олеся свернулась калачиком. Привычка раскрываться во сне у нее была с раннего детства. Вот ведь мерзнет – а не укроется.

Кухня пустовала, видно Вероника позволила себе сегодня подольше поспать, зная, что хозяев нет дома. Ее жилище располагалось в том же домике, где и Олесина мастерская, в соседней комнате.

Илья весело хлопотал на кухне, готовя нехитрый завтрак и напевая легкомысленную песенку. Настроение было замечательное! Интересно, с чего бы это? Да и разве это важно! На душе легко, и это главное. А причины не важны. От позитивных мыслей с утра пораньше стало еще радостнее.

Он наспех позавтракал, оделся и покрутился перед зеркалом на манер Карлова старшего – Ты павлин! – сказал своему отражению, а потом добавил: – Посмотрим, можно ли растопить этот лед. Снежная королева, прежде всего, была женщиной, пусть и очень холодной.

В начале седьмого он уже выгонял жигуленок из гаража. К этому времени полностью рассвело – начинался новый день, который возможно внесет в жизнь что-то новое. Наверное, подобные мысли наваял рассвет. Глядя, как еще не полностью взошедшее солнце постепенно озаряет все вокруг теплым светом, в голову пришла мысль, что с рассветом у людей связано начало чего-то нового. Значит и его оно тоже ждет.

Илья не спеша ехал по просыпающимся улицам, наслаждаясь прохладой, щебетом птиц, шумом троллейбусов. Припарковав машину у знакомого дома, он неторопливо вылез и потянулся.

У квартиры Александры пришлось простоять неожиданно долго. Он позвонил несколько раз, прежде чем услышал за дверью недовольное ворчание и шарканье ног по полу.

Когда дверь распахнулась, глазам Ильи предстала забавная картина: всегда чопорная и элегантная Александра выглядела по-домашнему комично в небрежно накинутом халате, пушистых тапочках с верхом в виде собачьих мордочек и с растрепанными со сна волосами. Она стояла, зло и сонно таращась на утреннего гостя.

– Чего так рано? – недовольно проворчала Александра, впуская его в квартиру. – Еще только половина седьмого.

– Решил сделать сюрприз, – Илья не удержался и окинул ее откровенным взглядом. Заметив это, она поплотнее закуталась в халат. А она ничего! Даже со сна выглядят привлекательно. Так привлекательно, что хочется ее потрогать, чтоб проверить, настоящая ли. – Кто рано встает, тому Бог подает, – с этими словами он протянул ей телефон.

– Ну, да, стоит его только где-то забыть, как сразу всем нужна становишься, – кивнула она, широко зевая и с опозданием прикрывая рот рукой. – Проходи в комнату, я только умоюсь, и будем пить обещанный кофе.

Не прошло и пяти минут, как Александра вернулась умытая и причесанная. С внешним лоском к ней вернулась привычная надменность. Илья даже расстроился. Сонный вид ей гораздо больше к лицу.

– Ну, что? Какой предпочитаешь кофе – заварной или растворимый, с сахаром или без, со сливками или черный?

– Кофе подождет, – вкрадчиво ответил Илья, осторожно приближаясь к Александре. Вдруг появилось желание ее подразнить. С удовлетворением заметил на ее лице удивление с примесью смятения. Она даже оглянулась на дверь, как на возможный путь к отступлению. Но Илья оказался проворнее. Он схватил за руку и усадил в кресло. – Сначала я хочу проверить твою ногу. Врач не должен забывать о своих обязанностях.

Он взял ее ногу, освободил от тапочка, и принялся не спеша разматывать бинт, продлевая удовольствие от прикосновения к нежной коже, поглаживая пальцами высвобождаемые из-под бинта участки. Александра притихла и украдкой разглядывала густые волнистые волосы, отливающие синевой, и красивые руки, действующие так умело. Подняв голову, Илья перехватил ее взгляд и задорно улыбнулся, правильно угадав реакцию. От досады она дернула ногой и тут же вскрикнула от боли.

– Тише ты, чего дергаешься? – тихо произнес он, слегка нажимая на ее коленку, чтобы вернуть ногу в исходное положение. – Я еще не разбинтовал даже...

Он провел рукой по внутренней поверхности, опускаясь к стопе, отчего у бедняжки побежали мурашки по всему телу, и с улыбкой продолжил пытку.

– А ты нерадивая пациентка, – уже более серьезно сказал Илья, осмотрев полностью разбинтованную ногу, – совсем не следуешь совету врача. Почему не держала в холоде? Видишь, какая образовалась гематома? Теперь она будет долго рассасываться, – он перевел взгляд на ее распахнутые зеленые глаза, ожидая ответа.

– Я и значения этому не придала, – против воли начала оправдываться Александра, – думала, все это ерунда.

– Эта ерунда будет стоять тебе нескольких недель созерцания вот этой припухлости синего цвета. Хорошо, если рассосется сама. В противном случае, может потребоваться оперативное вмешательство.

Александра побледнела. Илье моментально стало стыдно за излишнюю суровость.

– Ладно, ладно, не переживай так, я преувеличил опасность – гематома совсем маленькая, сама рассосется, – поспешил успокоить он.

– Давай уже, заматывай обратно, – спохватилась Александра. Все это время Илья держал ее ногу и слегка поглаживал теплыми пальцами.

Так же медленно Илья вернул бинт на место и с неохотой выпустил ногу. Поднялся с корточек и остановился перед сидящей в кресле девушкой. Свет с окна падал ему на спину, а сам он оставался в тени. Александра не могла как следует рассмотреть его. Илье же, напротив, все хорошо было видно. Он какое-то время разглядывал хрупкую девушку, а потом протянул руку и сказал:

– Вставай. Пора пить обещанный кофе.

Александра нерешительно взяла его за руку и позволила поднять себя. Пошатнулась, и Илья придержал ее, обхватив за талию и прижав к себе. Она высокая, примерно с него ростом. Глаза разве что чуть ниже его находятся сейчас. Почему же она ему кажется очень хрупкой?

Так близко от этой девушки он на короткое время забыл обо всем на свете. Губы ее – такие чувственные и манящие. Больше всего на свете хотелось сейчас припасть к ним и целовать, долго не выпуская из плена. Глаза – большие и потемневшие от ответного желания.

Александра находилась словно под гипнозом. Она невольно потянулась к Илье, не в силах сдержать внезапный порыв. Его глаза... она тонула в них. А губы казались так близко, что не прикоснуться к ним сродни преступлению против себя же.

Когда губы их уже готовы были соединиться, а дыхание слиться воедино, Илья вдруг отчетливо осознал смысл происходящего. Это же Александра – невеста презираемого им человека, надменная гусыня или Снежная Королева, как он ее всегда называл! Он резко отпрянул, выпуская ее из объятий.

Александра испытывала не меньшее потрясение. В глазах ее плескалось удивление, а нормальные чувства возвращались постепенно, очень медленно.

Илья наблюдал, как меняется лицо девушки. Все, что было в нем теплого, человеческого накрывает маска высокомерия и презрения. Она отступила на шаг и гордо выпрямила спину.

– Так ты будешь пить кофе или передумал? – Александра отвернулась и направилась, прихрамывая, на кухню.

– Пожалуй, нет, – помедлив, ответил Илья. – Мне уже пора на работу, если не хочу опоздать.

Он лукавил, потому что было только начало восьмого. От ее дома до больницы добираться не больше десяти минут. Просто находиться тут вдруг стало невозможно, атмосфера накалилась, того и гляди полетят искры. Если он хотел сохранить хотя бы видимость нормальных отношений, нужно срочно убираться, пока он еще может себя контролировать.

Равнодушно пожав плечами, Александра проводила его до выхода. Она ничего не сказала на прощание, просто молча закрыла за ним дверь.

Всю дорогу до больницы Илья мысленно ругал себя. Как он мог такое допустить? Зачем вообще к ней притронулся? В какой-то момент он даже почувствовал в ней родственную душу. Какая самонадеянность! Просто герой! Из всех женщин выбрал самую неподходящую. Она даже взглядом его раньше не удостоивала, а он вдруг захотел ее поцеловать. Для нее он тот, кто никогда не сможет взлететь, поскольку рожден ползать, как она считает. Да и она не идеал, как ни крути. Он же таких терпеть не можешь! Все! Нужно выкинуть ее из головы, как ненужный хлам. Так он и сделает. Ну допустил ошибку, с кем не бывает, еще не поздно все исправить.

В больнице уже начинались трудовые будни. Пора было приступать к обязанностям старшего ординатора, которым Илью назначили год назад. Должность эта выборная, и за кандидатуру Ильи проголосовали большинством голосов. Многим нравился спокойный, рассудительный парень, аккуратный в работе, внимательный к больным и сослуживцам. Инициатором выдвижения выступил Карякин, к которому первым делом и зашел сегодня Илья.

– Приветствую, Денис Матвеевич, – с порога сказал он, заглянув в кабинет заведующего.

– А, Илья, заходи, коль не шутишь, – Карякин сидел за столом, подперев рукой голову, и воспаленными глазами смотрел на приближающегося молодого человека.

Илья сразу понял, что происходит. Очень редко Денис Матвеевич позволял себе сильно напиваться, после чего долго болел. Наверное, в эти выходные был именно такой случай.

– Понимаю, что не в лучшей форме, – как бы оправдываясь, проговорил заведующий. – Опять сдали нервы, сорвался, – он как мальчишка заерзал на стуле. – Теперь вот расхлебываю – голова трещит так, что готов выкинуть ее в окно.

– Нет, Денис Матвеевич, голова лучше пусть остается на месте, она нам еще пригодится. Лучше давайте выпьем крепкого чаю, пока до восьми еще есть полчаса, – только Илья позволял себе легкую фамильярность в отношении с заведующим, поскольку считал того своим другом.

За чаем Карякин рассказал, что накануне звонил сыну поздравить с Днем рождения и, как всегда, натолкнулся на глухую стену неприязни. Его семнадцатилетний отпрыск винил отца в том, что они с матерью расстались. Отказывался с ним встречаться. Все пять лет, что прошли со времени развода, они с сыном только изредка разговаривали по телефону, и почти каждый раз после этого Карякин жестоко напивался. Что тут можно сказать? Ничего. Нет слов,

которые могли бы смягчить душевную травму старшего наставника. Со своей стороны Илья мог только выслушать. Иногда и возможность высказаться приносит облегчение. Сам он редко прибегал к такому способу – свои невзгоды предпочитал держать при себе, не хотел перекладывать проблемы на чужие плечи.

С момента, как Илья покинул дом Александры, и до конца рабочего дня он пытался выкинуть из головы воспоминания о растрепанной, сонной и доверчивой красавице, которая в мгновение ока превратилась в ледяную статую. Ничего не получалось. Даже во время операции ее образ всплывал перед мысленным взором. Он вспоминал свои ощущения, когда она потянулась к нему губами. Как ему тогда хотелось забыть обо всем, разрешить себе плыть по течению, не задумываясь о последствиях!

Под вечер настроение Ильи окончательно испортилось. Досталось медсестре – Любочке, которая в последнее время просто одолевала его своим кокетством. Илье не нравились ее постоянные заигрывания, ужимочки, хихиканье по углам больницы с подружками. Он часто наталкивался на ее лукавый взгляд. Иногда она просила его о каком-либо мелком одолжении, чтобы похвастаться перед другими медсестрами. Илья старался относиться к ее заигрываниям с юмором, проявлять снисходительность. Но не сегодня. Сегодня он сорвался первый раз. Когда почти вся смена собралась в ординаторской попить чаю, Любочке взбрело в голову попросить Илью помассировать ей плечи. Она не единственная, кто обращался к нему с подобной просьбой. По этой части у него был настоящий талант. Интуитивно он знал, где самые натруженные мышцы, и умелым массажем помогал снять напряжение. Но на Любочкину просьбу отреагировал неожиданно резко:

– Ты сегодня уже, наверное, десятый раз пьешь чай, не пора ли заняться прямыми обязанностями? На стене висит график перерывов, постарайся в дальнейшем его придерживаться.

В кабинете повисла звенящая тишина. Все, вытаращив глаза, смотрели на обычно сдержанного и уравновешенного врача. Круглые глаза Любочки наполнились хрустальными слезами, губы задрожали. Не дожидаясь, когда начнется истерика, Илья вылетел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Остаток дежурства он корил себя за резкость, но извиняться не собирался. Решил, пусть ей это будет уроком, может, перестанет тогда приставать к нему. А в конце рабочего дня Илья понял, что совершил ошибку: Любочка стала настоящим героем – ходила бледная с покрасневшими от слез глазами, все ее утешали, а на Илью косились с осуждением.

Он так и читал в их глазах: «Вот ты, значит, какой? Не зря говорят, что в тихом омуте черти водятся».

Окончательно добило Илью то, что отъезжая от больницы, он машинально направился к дому Александры. В последний момент решил не менять маршрут, а проехать мимо злополучного дома, тем более что крюк не большой. Первое, что он увидел, подъезжая ко двору, это как Александра в обнимку со своим Левого выплывает из подъезда, грациозно припадая на правую ногу, садится на переднее сидение массивной Тойоты и скрывается за тонированными стеклами.

Наконец-то уборка банно-спортивного комплекса была закончена. На это у Ильи ушел почти целый день. Не считая нескольких часов сна после ночного дежурства, все остальное время он провел в этом сооружении, убирая сауну, тренажерный зал и начищая бассейн.

Вечером, когда уже почти стемнело, не чувствуя ног от усталости, Илья добрался до мансарды, без сил упал на диван и наконец позволил мышцам расслабиться. Олеся находилась тут же – копошилась в захлавленном углу, пытаясь разобрать и рассортировать хранящиеся в беспорядке вещи. Она сочувственно поглядывала на брата. В такие дни ей до слез становилось жалко Илью, она тайком плакала, стараясь, чтобы он этого не видел. Все попытки помочь, он

давным-давно отверг, не разрешая даже приближаться к зданию бассейна в день капитальной уборки. Он запретил ей даже говорить на эту тему. Поэтому она сейчас и сидела тихо, глотая слезы и наблюдая, как тяжело вздымается грудь брата. Зная, каких трудов ему стоило наводить порядок в комплексе, Олеся два года назад принципиально перестала посещать бассейн, сауну или тренажерный зал, возненавидев их всей душой.

По закону подлости, сегодняшний вечер был одним из самых спокойных в доме. Карлов с сыновьями отправились на очередной торжественный прием. С подобного рода мероприятий они обычно возвращались поздно, бывало даже под утро. Вероника отпросилась на День рождения к подруге, пообещав вернуться утром следующего дня. В доме остались только брат с сестрой, и, как назло, Илья большую часть вечера вынужден был провести в изнурительной уборке.

– Илюш, смотри, что я нашла, – тихонько подошла Олеся. В руках она держала небольшой фотоальбом. – Тут мама, когда была еще совсем молодой. Хочешь, вместе посмотрим?

– Давай, – сказал брат, усаживаясь на диван и включая настольную лампу. Олеся прижалась к нему и раскрыла альбом.

Фотографий было совсем немного, от силы штук двадцать. Никогда раньше они не попадались им на глаза, по той простой причине, что никто из них не пытался до сегодняшнего вечера навести в углу порядок. Все снимки были сделаны в экспедициях, в которые ездила их мать в юности – сразу после института. Она выучилась на археолога. Но с экспедициями покончила с рождением Ильи, устроившись работать в музей, специалистом по древним раскопкам.

Мама мало рассказывала о том периоде своей жизни. Илья и не знал, что она посетила столько живописных мест. Все фотографии были очень красивые, и самая красивая на них мама – молодая, смеющаяся, в окружении друзей.

Внезапно, один снимок привлек внимание Ильи. В мужчине рядом с матерью он без труда узнал скончавшегося пациента из четвертой палаты. В следующий момент Илья привстал от удивления, мигом забыв об усталости. На снимке мама в руках держала ту самую турку, что досталась Илье при столь необычных обстоятельствах. Он соскочил с дивана и побежал в угол, где начал лихорадочно рыться в вещах в поисках заветного ящика. Олеся смотрела на брата во все глаза, не понимая причины его возбуждения. Откопав ящик на самом дне хлама, Илья вернулся к дивану. Вынув сосуд, сверил его с изображенным на снимке. Ну точно, та самая турка!

– Откуда у тебя такая красота? – спросила Олеся, забирая у Ильи турку и любуясь ею с видом истинного ценителя произведений искусства.

– Попала ко мне случайно... – Илья рассказал ей про странного пациента, ничего не утаивая. Сестре он доверял, как самому себе.

– Странно, – произнесла Олеся. – Получается, что раньше она принадлежала маме. Значит, мама ее подарила ему? – указала она на изображенного на фотографии мужчину.

Илья достал снимок из ячейки альбома и прочитал надпись на обороте, сделанную рукой матери: «Я и мой лучший друг и соратник, Кирюша Синицын, на берегу живописного озера Титикака». Далее шла дата, за год до рождения Ильи.

– Теперь, я бы о многом мог спросить его, – с сожалением произнес он. – А тогда, хотел, чтобы наш странный разговор поскорее закончился. Вот почему его фамилия показалась знакомой... Наверное, мама когда-то упоминала о нем, и невольно запомнилось. – Он задумался ненадолго. – А знаешь, Синицын сказал, что завладел этой туркой незаконным путем. Получается, он украл ее у мамы, и после этого они перестали общаться. Вот, о чем он говорил перед самой смертью.

– Значит, по праву эта вещь принадлежит нам? – недоверчиво спросила Олеся.

– Получается, что так, – кивнул Илья. – Только, давай, не будем никому ее показывать, проблем у нас и так хватает. Отчим, если увидит, обязательно захочет пополнить ею свою коллекцию антиквариата.

– Конечно, я и сама так подумала, – восторженно отозвалась сестра. – Она будет только наша и больше ничья.

Ни он, ни Олеся не подумали, что вещь достаточно дорогая и можно попытаться ее продать и уехать из города, подальше от ненавистного отчима и всей его семейки. Они держали турку в руках, как единственную вещь, которая осталась от мамы – свидетельство того, что она жила когда-то, путешествовала, была молодой и счастливой. От нахлынувших чувств Олеся заплакала. Илья обнял сестру и прижал к себе, тихонько укачивая.

– А знаешь, – внезапно, сквозь слезы сказала Олеся, – давай будем пользоваться ею, когда никого нет дома. Не хочется, чтобы такая красота пылилась. Она как раз на две маленькие чашечки – для тебя и меня, – она радостно улыбнулась осенившей ее мысли, глаза заблестели, увлажненные слезами, как цветы утренней росой.

– Согласен, – торжественно произнес Илья. – И начнем мы прямо сегодня, когда как раз есть такая возможность.

Олеся радостно захлопала в ладоши, но потом, спохватившись, произнесла:

– А, может, лучше в другой раз? Ты, ведь, так устал.

– Усталость как рукой сняло, когда я увидел эту фотографию. Все, пошли на кухню.

Они дружно спустились в вычищенную Вероникой кухню.

Пока Илья закладывал кофе с сахаром в турку, заливал водой и ставил на плиту, Олеся весело доставала из холодильника печенье и конфеты.

– А здорово мы с тобой придумали, правда? – радостно щебетала она. – Пить кофе в тайне от всех. Это так волнительно. У нас с тобой теперь есть собственная тайна!

– Не просто тайна, а большая тайна, – шутиливо поправил ее Илья, неспешно помешивая кофе ложечкой, следя за тем, когда наступит момент закипания, потому что закипевший кофе – это испорченный кофе, так его учила мама. – Она такая большая, что о ней никому нельзя рассказывать, даже Веронике. Сможешь удержаться?

– Спрашиваешь! – уверенно ответила Олеся. – Да чтобы я хоть кому-нибудь, хоть слово!.. Никогда! – она весело рассмеялась, и смех прозвучал как колокольчик.

Кофе уже весело шумел в турке, готовый закипеть. Илья держал сосуд за ручку, которая оставалась холодной.

– Песок нам заменит соседняя конфорка, будем пить кофе полу-по-турецки, – сказал Илья, вовремя снимая турку с огня.

Не успело дно сосуда коснуться соседней поверхности плиты, как раздался громкий хлопок. Олеся вскрикнула от неожиданности и испуга. Илья быстро оглянулся. Посреди кухни из густого белого облака, которое моментально рассеялось, появилась молодая женщина – обнаженная по пояс. Она стояла и озиралась по сторонам, рассматривая помещение и людей, находящихся в нем. Типичная представительница индейского племени: смуглая, сильная, с раскосыми глазами. Только цвет глаз был странным – янтарным.

Первым в себя пришел Илья:

– Ты кто такая? – потрясенно пробормотал он. Олеся смотрела на незнакомку широко открытыми глазами, потеряв дар речи. Илья начал беспокоиться, как бы неожиданность не спровоцировала приступ. Он осторожно переместился поближе к сестре и слегка встряхнул ее, приводя в чувство: – Ты как, в порядке?

– Со мной все хорошо, – ответила она. – Но кто эта женщина?

А незнакомка уже полностью освоилась в новой обстановке, и теперь занималась тем, что внимательно рассматривала брата с сестрой. В ее янтарных глазах поблескивало лукавство.

– Вот, значит, вы какие – дети Светолицой? – произнесла она звонким и чистым голосом с едва уловимым акцентом.

– Дети кого? – не понял Илья. – Ты не ответила на мой вопрос – кто ты такая?

– Меня зовут Ниньо.

Илья еще сильнее растерялся. Незнакомка не казалась опасной. Напротив, она выглядела совершенно нормальной. Ставило в тупик само ее появление.

– Но как вы сюда попали? – подала голос Олеся.

– А очень просто, – весело ответила смуглянка, – вот из этого сосуда, – она указала рукой на турку. – Кстати, если вы не поторопитесь, ваш кофе совсем остынет.

– Как? Прямо из турки? – прыснула в кулачок Олеся. – Как джин из лампы, или старик Хоттабыч – из кувшина?

– Не знаю, про кого ты говоришь, красавица, – добродушно ответила женщина, – но моим прибежищем вот уже две недели являлся этот сосуд. Честно говоря, думала, что уже не дождусь, когда ты им воспользуешься, – обратилась она к Илье.

– Значит, ты джинима? – весело спросила Олеся. – И это твой дом? – указала она на турку.

– Конечно нет! – засмеявшись, воскликнула знакомка. – Разве можно там жить? Это же жутко неудобно. Сосуд является порталом для перемещения, это же элементарно.

– Ну естественно. Как мы сами с тобой не догадались, – с ехидцей произнес Илья, обращаясь к Олеся. – Ладно, допустим ты действительно оттуда. Но почему ты в таком виде?

– В каком – таком? – удивилась женщина.

– У нас не принято разгуливать голышом, – строго ответил Илья, а Олеся смутилась. – У нас принято, чтобы торс женщины был прикрыт одеждой, и на ногах была какая-нибудь обувь.

– Да? – озадаченно осмотрев себя, изрекла знакомка. – Я как-то не задумывалась об этом...

Она щелкнула пальцами, и сверху на ней появилась легкомысленная блузочка в цветочек, не вязавшаяся с воздушными юбками, но, все-таки, надежно прикрывавшая ее прелести.

– Так лучше? – спросила она. – Не могла себе отказать в маленьком удовольствии... – Она указала на ноги, обутые в замшевые мокасины. – Сто лет не носила их. Даже забыла уже, какие они легкие, удобные и практичные.

Она с удовольствием прощлась по кухне, разглядывая свои ноги.

– Это же лучшая в мире обувь! – приговаривала она. – Несравненно лучше, чем неуклюжие, твердые европейские ботинки. Из дубленой оленьей кожи, – она нагнулась и любовно погладила один мокасин. – Они могут идти вперед гораздо быстрее, и в них совершенно не потеют ноги. А знаете, как быстро они сохнут? Их можно мокрыми оставить прямо на ногах, и не бояться простудиться. Это в ваших кожаных башмаках...

Она тараторила без умолку, нахваливая невзрачную на вид обувь. Глаза Олеся горели восторгом. Она слушала знакомку, впитывая каждое слово.

– Это как вторая кожа, нога в ней двигается свободно, не то, что ваши ботинки, в которых ноги, словно в гробу. А еще – это лучшие тапки в мире, в них никогда не заработаешь мозолей.

Она замолчала и поймала заинтересованный взгляд Олеся.

– Хочешь тоже такие?

Олеся только кивнула.

Ниньо снова щелкнула пальцами, и вот уже Олеся разгуливала по кухне в маленьких удобных мокалинах.

– И правда, так здорово и уютно, – сказала она Илье. – Сделай и ему такие, ну пожалуйста, – обратилась она к джинимах.

– Ну уж, нет! – возмутился Илья. – Мне и моя обувь нравится. Спасибо, что оделась и прочитала нам лекцию про индейскую обувь. Но все же, что ты тут делаешь?

– Как, разве я еще не сказала? – удивилась Ниньо. – Я пришла за тобой, сын Светолицой.

– Что, так и будем молчать? – индейская девушка сидела на кухонном табурете и весело размахивала ногами. Ей очень понравилось, что высота регулируется. Она то поднималась, то опускалась, задорно повизгивая при этом. – Садитесь уже тоже, и давайте поговорим, как приличные люди.

Илья с Олесей послушно опустили на соседние табуреты, продолжая молчать. Ниньо посмотрела на них и громко рассмеялась:

– Ну, вы даете! Прямо, как испуганные щенки – ушки прижали и забились в угол. Давайте, я за вами поухаживаю, – она встала, взяла приготовленные чашки, разлила в них кофе и поставила перед братом с сестрой. – Вот, промочите горло и скажите уже что-нибудь.

И опять Илья с Олесей послушно отхлебнули из чашек. Илья даже взял конфету и начал разворачивать, но вдруг опомнившись, бросил ее на стол:

– Повтори еще раз, зачем ты здесь? – настороженно спросил он.

– Неужели, я так непонятно говорю на вашем языке? – удивилась Ниньо. – Я пришла за тобой. Пришло время занять свое место – стать вождем великого племени.

– Какое еще место и в каком таком племени? – спросил Илья, косясь на Олесю, проверяя ее реакцию. Она, похоже, понимала не больше него. Ее большие глаза не выражали ничего, кроме замешательства.

– Место вождя, которое принадлежит тебе по праву рождения, – спокойно, как мать нерадивому ребенку, пояснила Ниньо.

– Ты знала, что наш папа был вождем какого-то племени? – спросил Илья у сестры. Олеся только и смогла, что покачать головой, не отрывая взгляда от Ниньо.

– Подожди, подожди. Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь? – настала очередь Ниньо удивляться. – Мама тебе ничего не рассказывала?

– Не рассказывала что? Перестань говорить загадками, – не выдержал Илья, – Говори уже по существу!

– Да, Алвас, прокол у нас с тобой вышел, – пробормотала джиниха самой себе, – такой вариант мы не рассматривали. Считали, что достаточно знать, что он жив и здоров, – она опять внимательно посмотрела на притихших брата с сестрой. – Ладно, тогда слушайте, рассказ мой будет длинным:

Далеко-далеко отсюда, давным-давно, когда еще не было людей, со дна глубокого океана выросли исполины, прихватив с собой кусочек водной стихии. Образовалось прекрасное и загадочное озеро, расположенное высоко в горах. Не представляете, какой там чистый воздух! Красота такая, что люди цепенеют от восторга. Только вообразите – утром в тихую погоду голубая поверхность озера абсолютно неподвижна. Как в зеркале отражаются в ней небо и горы. Когда же над каменной стеной восходит солнце, озеро загорается ослепительным светом, делаясь зеленовато-фиолетовым, и начинает переливаться яркими полосами. Днем, когда священное светило стоит высоко, берега словно раздвигаются, и поверхность озера становится светлосерой. А вечером оно, залитое пламенем заката, окрашивается в темно-золотистые тона. Встречали ли вы такую красоту? Но так бывает, пока тихо. Стоит духам погнать свирепые ветры с гор, как на озере разыгрываются настоящие бури. С грохотом обрушиваются волны на берега и крушат на своем пути все, что встречается.

Взгляд Ниньо затуманился. Захваченная повествованием, она была необычайно хороша. Глаза горели, на смуглых щеках играл румянец. Олеся с Ильей не могли оторвать взгляда от экзотической девушки, внимая ее звонкому голосу:

– На той стороне озера, где солнце прячется на ночь, и каменистые берега, образованные огненными драконами, подходят прямо к воде, где озеро глубже всего, и часто разгуливают ветра, живет мое племя. Мы являемся прямыми потомками Инков, которые первыми посели-

лись на тех берегах. Нам не холодно зимними ночами, а ледяной туман не входит в нас и не заставляет умирать. Мы называем себя Людьми воды.

Озеро такое большое, что племя может вести уединенный образ жизни. Нас совсем немного, чуть больше тысячи. У вождя хранятся несметные богатства. Его дворец, вырезанный внутри огромной каменной глыбы, отделан золотом и драгоценными камнями. Из-за суровости места, в котором мы проживаем, и мощной магической защиты, выставленной на границе племени, никто не смеет посягнуть на наши сокровища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.